

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Mission confessions
МИССИЯ КОНФЕССИЙ

№ 17

Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.

Moscow 2016

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе, доктор философских наук, член Союза писателей России.

Доктор Фабио Баджо, Директор Международного института миграции Скалабрини Папского Урбанианского Университета.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. МГУ имени Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, генеральный директор Института энергии знаний.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Матушанская Ю.Г., доктор философских наук, доцент по кафедры философии, профессор кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, профессор кафедры религиоведения (КФУ).

Ячин С.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ДВФУ, Владивосток.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Бормотова Т.М., кандидат социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, старший научный сотрудник Государственном музее-памятнике «Исаакиевский собор».

Туманян Т.Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

Хрипкова Е.А., кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства, факультет истории искусства, РГГУ.

Мартынкин А.В., кандидат исторических наук, директор Центра политических и этноконфессиональных исследований при Филиале МГУ в г. Севастополе, и.о. заместителя декана историко-филологического факультета, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, начальник отдела воспитательной работы и молодежной политики СПбГАУ.

Данненберг А.Н., доцент кафедры государственно-конфессиональных отношений РАНХиГС при Президенте РФ, доктор философских наук.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт. Великобритания.

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Чжан Вэй, КНР.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Deputy Presidential Envoy in the Central Federal District, Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Fadio Bodjo, Director of the International Institute for Migration "Scalabrini" of Pontifical Urban University.

Editorial Board

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Bauman Moscow State Technical University.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Matushanskaya Y.G., Doctor of Philosophical Science, Associate Professor in the Department of Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy and Science History, Professor of the Department of Religious Studies.

Yachin S.E., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of Far Eastern Federal University, Vladivostok.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Bormotova T.M., Candidate of Social Sciences, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, leading researcher at the Research Center №1.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, senior researcher of the Museum Complex The State Museum St Isaac's Cathedral.

Tumanyan T.G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies.

Hripkova E.A., Candidate of History of Arts, Senior Lecturer, Department of Art History, Russian State Humanitarian University.

Martinkin A.V., Candidate of Historical Sciences, Director of the Center of political and ethno-religious Studies (Moscow State University in Sevastopol), Deputy Dean of Faculty History and Philology, Associate Professor of History and International Relations (Moscow State University in Sevastopol).

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Culture Studies, Head of the Department of Education and Youth Politics at St. Petersburg Agrarian University.

Dannenberg A.N., Associate Professor of Church-State Relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Philosophical Science.

Graeme Stowers, political scientist, expert, UK.

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Chjan Vei, People's Republic of China.

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

<i>Smirnov I.P.</i> Old Faith and the district council (1898-1901).....	8
<i>Akhinova L.G.</i> Islam in the art as a factor of integration of Muslim immigrants in Paris today.....	18
<i>Klintsova M.N.</i> The problem of interethnic marriage as an indicator of interethnic interaction in the republic of Crimea at the present stage.....	25
<i>Rizoev S.H.</i> Religion - a resource of Russia's domestic policy (review of academic debate - spring 2016).....	32
<i>Tkacheva N.A., Baymuhametova R.C.</i> Ethno-confessional situation in the social and political field of Northern Kazakhstan.....	42

PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND CULTURE

<i>Kasatkin P.I., Ibragimova K.A., Bobrova M.V.</i> The American civil religion values in public rhetoric and political practice of J.W. Bush. and B.Obama: comparative analysis.....	52
<i>Klimovich A.P.</i> Substantiation of moral philosophy.....	62
<i>Afanasiev S.G.</i> Identification of concept and theory of empathy.....	70
<i>Frantsev F.S.</i> George Sand, Pierre Leroux and Franco-Russian Literary-Philosophical Dialogue in 1840's.....	78
<i>Abstracts</i>	86
<i>Authors</i>	91

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

<i>Смирнов И.П.</i> Старообрядчество и земство (1898–1901).....	8
<i>Ахинова Л.Г.</i> Ислам в искусстве как фактор интеграции иммигрантов-мусульман в современном Париже.....	18
<i>Клинецова М.Н.</i> Межэтнические и межконфессиональные браки в Республике Крым на современном этапе.....	25
<i>Ризоев Ш.Х.</i> Религиоведение – ресурс внутренней политики России (обзор академических дискуссий – весна 2016).....	32
<i>Ткачева Н.А., Баймухаметова Р.С.</i> Этноконфессиональные ситуации в социально-политическом поле Северного Казахстана.....	42

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Касаткин П.И., Ибрагимова К.А., Боброва М.В.

Воплощение ценностей американской гражданской религии в публичной риторике и политической практике Дж. Буша мл. и Б. Обамы: сравнительный анализ.....	52
<i>Климович А.П.</i> Когнитивизм в этике. Объективистский подход.....	62
<i>Афанасьев С.Г.</i> Концепция идентификации и теория эмпатии.....	70
<i>Францев Ф.С. Ж.</i> Санд, П. Леру и русско-французский диалог в области литературы и философии в 40-х гг. XIX в.....	78
<i>Аннотации</i>	86
<i>Авторы</i>	91

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

**ОБЪЯВЛЯЕМ
КОНКУРС**

на лучшую научную, публицистическую работу:
конфессии и туризм
ПАЛОМНИЧЕСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЙ ТУРИЗМ

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

С целью выявления идей и обобщения паломнической практики, апробации предложений по становлению новых видов туризма. Международный издательский центр «Этносоциум» и журнал «Миссия конфессий» проводят конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления, мемуары, эссе и пр.).

Цель публикации - совершенствование межконфессиональных отношений, поиск механизмов развития экономики, создание дополнительных направлений туризма.

Лучшие работы будут опубликованы:
в журналах и коллективных монографиях,
тематических сборниках и пр.
(РИНЦ,МИНЦ, ВАК)

Лауреаты конкурса получают вознаграждение, с предоставлением возможности перспективного трудоустройства, направление для участия в международных мероприятиях в России и за рубежом.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ на сайте **www.etosocium.ru**

Справки по тел: +7 (495) 708 3000

Работы направлять в редакцию в электронном виде по адресу:

Izdanie-k@list.ru, etosocium@mail.ru

Смирнов И.П.

Ведущий научный сотрудник лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Старообрядчество и земство (1898–1901)¹

«Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В.Н. Тенишевым» – таково полное название грандиозного социологического предприятия, организованного кн. Вячеславом Николаевичем Тенишевым в 1898–1901 гг. Представитель древнего русско-татарского рода, предприниматель и фабрикант, меценат, основатель знаменитого своими выдающимися выпускниками Тенишевского реального училища в Санкт-Петербурге, князь потратил на этнографическое обследование около 200 тысяч рублей. Его отличал новаторский взгляд на этнографию, в которой он видел не только историческую науку о следах старины в народной жизни, как это было принято в его время, но и передовую область знаний, позволяющую решать прикладные общественные задачи на основе изучения социума, его актуального состояния. Идеи В.Н. Тенишева носили, говоря современным языком, «дирижистский» характер. Заслуживший в деловых кругах прозвище «русский американец», он думал об эффективности управления империей и в духе XIX века полагался на научные средства реализации этой цели.

Задачей, поставленной перед Этнографическим бюро Тенишева, был сбор подробных сведений о русском крестьянстве. Тщательно разработанный опросник распространялся через епархиальные и народные училища, земские статистические комитеты и по другим земским каналам, был направлен на крестьян и затрагивал самые разные аспекты их жизни. Корреспондентами Бюро были земские работники, волостные писари, учителя, представители духовенства, студенты, в некоторых случаях крестьяне – всего около 350 человек. От них поступило 3492 рукописи из 23 губерний Европейской России. В разное время сотрудниками Бюро были, в частности, известные русские этнографы С.В. Максимов и А.А. Чарушин. Документы Бюро хранятся в Архиве Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге (фонд 7, опись 1).

В сущности, В.Н. Тенишев вышел на постановку вопроса, свойственную нам сегодня: от понимания специфики разных сознаний зависит и понимание ведущихся человеком хозяйств; сколько на земле сознаний, культур и цивилизаций, столько и хозяйственных воплоще-

¹ по материалам статьи, опубликованной в № 11=ЭТН «Старообрядчество глазами земства по материалам Этнографического бюро В.Н. Тенишева (1898-1901)

ний. Старообрядчество не составляло предмет специального интереса обследования, но пункт о жизни «раскольников» в нем дежурно присутствовал. Материалы Этнографического бюро служат историческим источником, характеризующим, с одной стороны, косвенно, отношение к старообрядцам русского крестьянства, а с другой стороны, той части русской интеллигенции, которая была наиболее близка к крестьянской массе, – земства, в лице корреспондентов осуществившего обследование на практике. Обращает на себя внимание добротный литературный язык, отличающий эти материалы, и контраст, который очевиден в тех случаях, когда корреспонденты передают прямую речь крестьян. Описание жизни и быта старообрядцев не лишено типичных и неотъемлемых стереотипов, но, вместе с тем, богато пронизательными наблюдениями и яркими зарисовками.

Черта, которая неизменно признавалась за старообрядцами и фиксировалась как выгодное преимущество, – их трудолюбие. «По натуре своей раскольник всегда трудолюбив и редко бывает вполне праздным», говоря словами корреспондента². Ряд свидетельств подтверждает хозяйственную успешность и оборотистость старообрядцев. «Что касается торговли и всяких промыслов, требующих особенной сметливости и изворотливости, то раскольники выше массы крестьян. Даже знаменитое по своей ловкости и проницательности в торговых спекуляциях еврейское племя не может уронить соперничества их во многих промышленных предприятиях»³. Сообщают авторы Бюро и об особых трудовых навыках и умениях, отличающих старообрядцев, которым принадлежала негласная монополия на некоторые роды занятий. «В содержании мельниц и прудов с ними не могут соперничать православные, ибо преимущество раскольников в этом случае основывается на искусстве их исправлять и возводить всякие постройки, и в особенности устраивать плотины, спускать и очищать пруды⁴. «В тех уездах, где достаточно леса, некоторые раскольничьи села занимаются плотничеством. О промыслах раскольников надо заметить вообще, что известность их как самых трудолюбивых работников и самых промышленных людей распространена не только в этой губернии, но и за пределами ее»⁵.

Набор промыслов, присущих старообрядцам, можно продолжить: «Девушки раскольницы занимаются тканьем хороших ковров, прядением и т. п.»⁶. «Раскольник везде один и тот же: он везде так же неутомимо и искусно работает ломом, топором, лопатой, промышленяет наймом

2 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 9.

3 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 7.

4 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 7.

5 Там же.

6 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1118. Л. 3.

мельниц, прудов и продает те же любимые свои товары - железо, сало, масло, канаты и проч., как это водится в России; и везде дорожат им»⁷.

Благосостояние старообрядцев оценивалось выше, чем у их православных соседей: «В домашнем быту раскольников заметно несравненно больше зажиточности и благосостояния, чем у массы жителей. Если даже не иметь в виду промышленников, ворочающих десятками тысяч, здесь почти в каждом селе находятся хозяева, которые имеют капиталы»⁸. «Пицца раскольников бывает лучше, чем у русняков. Они не жалеют для себя домашних птиц и животных»⁹.

Старообрядцы компенсировали сугубый консерватизм своей внутренней, религиозной жизни заметной революционностью в сфере экономической, открытостью по отношению ко всем хозяйственным нововведениям. Дополнительным их преимуществом традиционно выступали общинность и взаимопомощь, на что, конечно, обращают особое внимание «народнически» настроенные земцы. «Раскольники живут в губернии отдельными деревнями и слободками, и если селятся в городах либо деревнях, населенных православными, то всегда особыми кварталами, чтобы пособлять друг другу»¹⁰. «Все раскольники-одноверцы живут сплоченно и помогают друг другу»¹¹. Любые конфликтные ситуации предпочтительно разрешались внутри общины: «Во всей губернии весьма редки такие примеры, чтобы во взаимных спорах раскольники обращались с жалобой к местным властям или с тяжбою в суд. При единодушии они находят возможным обходиться без всякого постороннего вмешательства»¹².

Обратной стороной общинности старообрядцев была, по оценке корреспондентов, их замкнутость и закрытость от внешнего мира. Радикальным следствием этих качеств было, например, сокрытие сведений о себе от властей: «О движении народонаселения у раскольников точных и подробных сведений предоставить нелегко по чрезвычайной трудности свести метрические о них списки. Из побуждений религиозных они всеми средствами таят в своих общинах беспаспортных и нигде не записанных людей, показывая таковых на место умерших, и по их счету, можно сказать, никто не умирает»¹³.

Крайним проявлением замкнутости авторы обследования считали «фанатизм» староверов, граничащий, по их мнению, с обскурантизмом:

7 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 7-8.

8 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 8.

9 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 9.

10 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 6.

11 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 551. Л. 7.

12 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 6.

13 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 7.

«Бывшие крепостные люди, еще до освобождения крестьян откупившись на волю, преобразовались в купцов разных гильдий, разбогатели, приобрели известность. К сожалению, нравы и обычаи их несколько не переменились к лучшему. Они остались, как и прежде, закоренелыми раскольниками, упрямо загородили доступ к образованию своим семействам, строго запретили домочадцам всякий проблеск науки и искусства и считают преступлением малейший шаг за пределы их фанатизма и грубых понятий о религии и образе жизни»¹⁴. «Под старость часто девушки-раскольницы, вышедшие в семью православных, опять переходят в свою веру и оказывают давление на своих детей»¹⁵. «Бывали случаи, что упорных парней родители и родственники раздевали чуть не донага, разували, чтобы лишить возможности даже выходить из дома. Волей-неволей заставляли жениться на раскольнице»¹⁶.

Характерное свидетельство происходит из Вятской губернии: «13 октября 1898 г. в местную начальную земскую школу крестьянин деревни Куженерки, раскольник, принес для сдачи учительнице книги, выданные его сыну, Семену Мосунову, при поступлении последнего в школу в нынешнем году. Крестьянин находил, что его сыну не след учиться в земской школе. На вопрос учительницы о причинах он высказал: 1) Не вычитывают у вас молитвы по-нашему утром, перед обедом и вечером. 2) Ученые сыновья ни во что ставят отца и мать. “Что мне отец, когда я сам молодец”...»¹⁷. Категоричен корреспондент из Олонецкой губернии: «В церковно-приходскую школу раскольник ребенка своего ни за что не отдаст»¹⁸.

С другой стороны, твердость, убежденность и неуступчивость старообрядцев получала положительную оценку, как проявление «крепости веры». «Раскольники с необыкновенными усилиями поддерживают свои бедные, деревянные, нередко покрытые соломой и обветшалые молельни, работая тайно по ночам; они платят непомерные цены по несколько десятков, по сту и более рублей за старые церковные книги, писанные будто бы до патриарха Никона, и хранят их как святыню»¹⁹. «Раскольники всякими таинственными путями поддерживают свои религиозные обряды и крепко держатся своих старых преданий; а убеждения их, каковы бы ни были, имеют глубокий корень в сердцах. О силе этих убеждений можно судить из готовности раскольников на всякие жертвы, из необыкновенного единодушия, каким проникну-

14 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 636. Л. 2.

15 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 551. Л. 7.

16 Там же.

17 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 421. Л. 1.

18 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 5 – 5 (об).

19 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 9 – 10.

ты все члены этого братства, рассеянные по разным углам губернии и даже России, и наконец всеми наружными проявлениями набожности, например, строгим соблюдением постов, праздников и проч... К этим обычаям, обрядам раскольники преданы органически, так что запрещения и крутые меры скорее могут повредить, чем помочь делу»²⁰.

Некоторые корреспонденты Этнографического бюро придерживались мнения, что старообрядцы воплощают старину, традиционность и в этом смысле «русскость», что выражалось в ряде внешних признаков. «У раскольников во всем сохраняется чисто великорусский тип. Их деревни вытягиваются в линию, а дома построены очень просторно, обычно о двух половинах, с русскими печами и соединяются с обширными хозяйственными пристройками. Такой вид раскольничьих дворов резко отличается от прочих и особенно от степных крестьянских жилищ, торчащих в степи без всяких пристроек»²¹. «Одежда у них такая же, как у всех, с тою только разницей, что привилегированный у них цвет для рубах, штанов, юбок, платков, кафтанов и проч. принят синий; употребительнейшее верхнее платье есть русский армяк, а зимою нагольный тулуп с кушаком. На взгляд раскольника уже издали можно отличить от русняка по синему цвету, длинным голенищам и шляпе»²². «Головы у крестьянских раскольников посередине выбриты наголо, и когда в церкви священник спросит у них: “для чего вы брили сами себе макушки?” — “Тут-то зудит голова, батюшка”, — отвечают обыкновенно староверы»²³.

Регулярно встречающимся в письмах экстравагантным признаком старообрядцев (одного из их толков) является чашничество, этот обычай привлекал к себе повышенное внимание. Придерживающиеся его староверы «не станут даже пить из одной посуды с православными; таких народ окрестил именем “колчанники” (от слова “колчан” — некрашенная деревянная чашка, грубо сделанная) и недолюбливает их за гордость; при случае над колчанниками не прочь зло подшутить, например, нарочно напиться из их хорошей, дорогой посуды (они тогда бьют ее)»²⁴. «Староверы не дают православным ни есть, ни пить с одной с ними посуды, боясь “оскверниться”. Этим часто злоупотребляют крестьяне. Придя в избу старовера, они будто по нечаянности попьют из ковша или чашкой и те принуждены святить эти вещи или бросать их»²⁵.

При всей радикальности старообрядцев, письма корреспондентов

20 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 10.

21 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 8–9.

22 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 9.

23 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1118. Л. 3.

24 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 551. Л. 6.

25 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 767. Л. 7.

указывают на их исполнительность и лояльность властям. «Они уклоняются только, единственно, от тех распоряжений начальства, которые могут нарушить их верование. Во всем же прочем они не только не противятся установленным властям, но, напротив того, по единодушному отзыву начальников, суть самые исполнительные люди в крае. Они с готовностью несут всякие повинности»²⁶. «Городская полиция, которая всегда имеет много хлопот с содержанием в исправности городских улиц, совершенно спокойна на счет кварталов, населенных раскольниками. Городничему довольно сказать: “На вашей улице не совсем исправен мост”, и они ответят: “Так что ж, батюшка, прикажи, так исправим, а надо, так и новый сделаем”... Так же, по единодушному отзыву людей, с ними знакомых, они не имеют и не хотят иметь никакого соучастия с людьми злоумышленными в отношении России, любя ее искренно, как родное свое отечество. Они обыкновенно говорят: “За Царя отдадим свои головы, жен и детей!”»²⁷.

В материалах обследования не могли не отразиться такие сюжеты, как трезвенность старообрядцев и их воздержание от курения. Здесь отмечались заметные отличия от окружения, принадлежащего к господствующей конфессии, впрочем, не столь уж принципиальные: «Употребление водки у них считается грехом; тем не менее многие раскольники заразились общим обычаем крестьян. Некоторые из них даже превзошли последних в том, что по русскому обычаю пьют запоем; но зато они не похмеляются при всякой оказии, а больше держатся праздничка, и поэтому пьянство, вообще говоря, гораздо менее им мешает в занятиях, чем прочим. Некоторые, полагая не делать греха, пьют пиво, разбавленное водкой. Есть между ними, наконец, истые староверы, которые по преданию гнушаются горячим вином»²⁸. По отношению к табакокурению старообрядцы выглядят более категоричными: «Табаку раскольников решительно никто не курит: это великий грех!»²⁹.

Особого внимания требовали вопросы распространения вероучения, религиозной пропаганды старообрядцев, выделенные, согласно казенному штампу, в отдельный пункт опросника. «Расколоучители вербуют новых последователей не угрозами, а силою убеждения, хитростью и материальными выгодами», – сообщает корреспондент³⁰. «Распространению раскола способствуют богатые раскольники, живущие в городе Вытегоре. От них на поминки привозится много пирогов, сластей и де-

26 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 10–11.

27 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 11.

28 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 877. Л. 9.

29 Там же.

30 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 5.

нег. В деревне Даниловой есть староверская молельня — вот сюда-то и привозят подаяния»³¹. Нашла отражение и распространенная практика открытых религиозных диспутов: «Между раскольниками есть настоящие начетчики, которые публично вступают в прения с миссионером и защищают свои воззрения. В Вытегорском погосте теперь постоянно живет миссионер, он человек еще молодой, только что посвященный в сан священника, а потому авторитетом положительно не пользуется даже среди православного населения. Он устроил в училище несколько собеседований, на одно из которых явились и начетчики староверские. На этом собеседовании начетчики почти совершенно поставили в тупик молодого миссионера и с тех пор собеседования прекратились. Раскольники распускают слухи, что миссионер боится теперь устроить собеседование, и раскол вследствие этого усиливается»³².

Однако, по свидетельствам авторов обследования, наступательного характера миссионерская деятельность старообрядцев не носила, скорее, направленность ее была охранительной: «Пропагандой не занимаются дальше своей домашней молодежи, на которую оказывают всеческое давление, чтобы удержать их от сближения с православными»³³.

Характеризуя отношение православных к старообрядцам, корреспонденты отмечают его обычную нейтральность, выраженную либо в равнодушии, либо в иронии, колеблющейся между легким благодушным подтруниванием и довольно злыми шутками. «Крестьяне к раскольникам относятся равнодушно, не притесняя их и не угождая им»³⁴. «Народ относится к ним равнодушно, а в разговорах и сношениях с ними — насмешливо: “живут “столоверы” от нас особливо, в Бога верят по-своему, особливо, нам не мешают, — так и нам до них дела нет: пусть живут, как знают”. Вот какой отзыв часто приходится слышать у нас, когда между крестьянами заходит речь о староверах. И действительно, староверы никогда не возбуждают в православном народе наших деревень ни отвращения, ни гнева, хотя часто служат мишенью для оскорбительных насмешек»³⁵. «Я ни разу не замечал в народе ненависти или ужаса к раскольникам, презрение бывает, но больше всего насмешки. Смеются над ними, что курить и нюхать табак — грех, и при встрече с раскольником стараются пустить ему в лицо табак; к тому, что раскольники пьют только из своей посуды и молятся только перед своим образом, они относятся с удивлением»³⁶. И, наконец, более резкое су-

31 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 4 (об).

32 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 5.

33 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 551. Л. 7.

34 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1118. Л. 3.

35 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 767. Л. 2–3.

36 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 484. Л. 1.

ждение: «Все обычаи и обряды, содержимые сектантами и раскольниками, в отличие от обрядов и обычаев православных, народом вышучиваются с презрением и ненавистью. В этом народ не стесняется и пред самими раскольниками и сектантами, и с особенною настойчивостью стараются донять и раздражить их своими словами и выходками»³⁷.

Один из наблюдателей включает в свой рассказ конфликтный эпизод: «Дело было зимой. У одного мужика собрались гости и в числе их старoverы. Разговор зашел о табакокурении. “Дьявольска трава табак этот самый, вот што! С дымом вместе черта в нутро свое вы пускаете и поганитесь”, — сказал старover про табак. “Ну уж шалишь, брат, никакого дьявола-то тут и нет, а просто разлюбозное дело табачек, я тебе скажу, братец ты мой!” — возразил один мужик курящий и шутник первой руки. “Хош закурю сейчас? А!”. Старover молчит, а мужики внимательно смотрят на говорящего. Тот закурил махорку. Старoverы морщатся, но еще сидят. “Люди курят, Митрич, чево и нам не закурить. Вы, братцы, простите: курить хочется, а на улице холодно!”. Мужики закурили и старoverы принуждены были уйти вон. “Ловко мы их выгнали на мороз-то!” — смеялись мужики»³⁸.

В целом следует признать: этноконфессиональный фактор действует в хозяйстве, это подтверждают материалы Бюро В.Н. Тенишева. Религиозные сообщества старообрядцев, ставя целью сохранение вероисповедальной и этнокультурной идентичности, развили такие качества и способы ведения дел, позитивно влияющие на эффективность хозяйства, как солидарность, взаимность, доверие. Хозяйственная деятельность старообрядческих общин и отношения внутри и между ними строились на авторитете руководителей, репутация которых основывалась на общем заслуженном уважении. Правда, применительно к рубежу XIX–XX вв. эти преимущества постепенно теряли значение, на что указывают современные исследователи: «По мере развития и роста экономики, нарастания “обезличенного” космоса капиталистических отношений, значение групп предпринимателей, объединенных одной религиозной этикой, падает»³⁹; «институты, основанные на репутации, сменяются институтами, основанными на формальном законе»⁴⁰.

Об эволюции, которую проделало отношение к старообрядчеству барина и пришедшего ему на смену интеллигента, писал старообрядческий публицист и представитель известной предпринимательской династии В.П. Рябушинский: «...образовавшиеся в результате катаклизмов два

37 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 514. Л. 24.

38 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 767. Л. 6–7.

39 Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012. С. 229.

40 Там же, с. 228.

класса, вернее даже две нации, мужичья и барская, хотя религиозно и чувствовали по-разному, все-таки от постоянного соприкосновения, сначала слабо, а потом все сильнее и сильнее стали влиять друг на друга»⁴¹. Автор трактовал это соприкосновение тенденциозно: «возлюбив русскую старину и быт, барин, изучая их в низах, набрел в мужичьей душе на церковное религиозное чувство, которое поразило его своим здоровьем»⁴².

Отношение к старообрядцам со стороны земской интеллигенции не было столь однозначным. Свидетельствам и описаниям корреспондентов Бюро зачастую свойственны взаимодополняющие крайности, причем, как это бывает, положительные оценки переходят в отрицательные и наоборот – недостатки проявляются в виде продолжения достоинств. В литературе уже отмечалась эта черта межконфессиональных отношений, выявляемая в традиционной культуре и названная исследователями «религиозным центризмом», когда своя вера мыслится единственно истинной и правильной, а чужая, соответственно, неистинной и ошибочной⁴³. Таким центризмом проникнуты фрагменты рукописей, затрагивающие отношение к старообрядцам принадлежащих к господствующей церкви крестьян.

Впрочем, и общая позиция земства по отношению к староверам была двойственной. В земской интеллигенции уживались две оценки старообрядцев: закоренелые противники просвещения и носители свободного народного духа, общинной демократии. Вслед за чиновничеством и официальной церковью земцы видели в старообрядчестве потенциал оппозиционности – «злоумышление на державу». Вместе с тем, корреспонденты не могли пройти мимо такой черты, как лояльность старообрядцев власти. Хождение в земской среде имел, например, сюжет об особом отношении к ним царя-освободителя Александра II: не доверяя прочим, свою личную охрану он формировал исключительно из казаков-старообрядцев, и один из них погиб от бомбы Дмитрия Каракозова. Видимо, эта двойственность, наряду с требуемой организаторами обследования объективностью, обусловила неопределенный тон корреспонденций, в которых явное или сдержанное сочувствие старообрядцам соседствует с настороженным к ним отношением.

Список литературы:

1. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и меж-

41 *Рябушинский В.П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М. – Иерусалим, 1994. С. 64.

42 Там же, с. 67.

43 *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 288.

- национальная культура. 2016. № 2 (92). С. 9 – 20.
2. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л. Гражданское общество в современной России: Монография. – М.: Этносоциум, 2016. 266 с.
 3. Рябова Е.Л. (рецензия на монографию) Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Этносоциум, 2015. // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №10 (88). – С. 175 - 179.
 4. Рябова Е.Л. Межэтнические конфликты: к вопросу о причинах и путях преодоления // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. №1 (43). – С. 10 - 15.
 5. Рябова Е.Л. Дискуссия о стратегии межнациональных отношений (редакционная статья) // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. №5 (47). – С. 7 - 8.
 6. Бормотова Т.М. Влияние неконтролируемой миграции на рост трансграничной преступности в европейских странах // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 8 (98). С. 169-173.
 7. Бормотова Т.М. Никитина И.Э. Проблемы сближения национальных законодательств стран-членов Евросоюза в вопросах миграционной политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 1 (91). С. 51-54.
 8. Дзугцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-кавказского федерального округа Российской Федерации. М., РОССПЭН, 2012.
 9. Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации Том 2. / Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.
 10. Шупленков О.В. Казачье самоуправление – положительный опыт консенсуса центра и регионов // Альманах Казачество 2016. №20 С. 40-50.
 11. Протоиерей Димитрий Лескин, Русский мир: историческая миссия // Журнал “Межконфессиональная миссия” 2016. №14. С. 6 - 13.
 12. Пусько В.С. Российское общество и его идеология // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №4 (82). С. 15 – 20.

Bibliography

1. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9-20.
2. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia: Monograph. – M.: Etnosotsium, 2016. 266 p.
3. Ryabova E.L. (Review) Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia In XXI century: a national response to the national question. M.: Etnosotsium, 2015. // Etnosotsium and international culture. 2015. №10 (88). – P. 175-179.
4. Ryabova E.L. Interethnic conflicts: the question about the causes and ways to overcome // Etnosotsium and international culture. 2012. №1 (43). – P. 10-15.
5. Ryabova E.L. The discussion on the strategy of international relations (editorial) // Etnosotsium and international culture. 2012. №5 (47). – P. 7-8.
6. Bormotova T.M. The impact of uncontrolled migration to the growth of cross-border crime in Europe // Etnosotsium and international culture. 2016. № 8 (98). P. 169-173.
7. Bormotova T.M. Nikitina I.E. Problems of convergence of national laws of European Union member states in matters of migration policy // Etnosotsium and international culture. 2016. № 1 (91). P. 51-54.
8. Dzutsev K.V. Ethnosociological portrait of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation. M. ROSSPEN 2012.
9. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 2. / International Publishing Center «Etnosotsium», Moscow. 2015.
10. Shuplenkov O.V. Cossack self-government – a positive experience of consensus Center and Regions // Almanac Cossacks 2016. №20 P. 40-50.
11. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // «Interchurch Mission» 2016. №14. P. 6-13.
12. Pusko V.S. Russian society and its ideology // Etnosotsium and international culture. 2015. № 4 (82). P. 15-20.

Ахинова Л.Г.*Аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.*

Ислам в искусстве как фактор интеграции иммигрантов-мусульман в современном Париже

В связи с миграционными процессами, которые приводят к проживанию на одной территории людей разного этнического происхождения, разных рас, разного вероисповедания и естественно разного культурного наследия возникают вопросы о наличии или отсутствии кросс-культурных связей, взаимовлияния, и культурной интеграции. Ярчайшим примером подобных обстоятельств является Париж один из центров западноевропейской культуры и искусства. Концентрация в этом городе музеев, которые славятся на весь мир своими объемными коллекциями, определяет образ жизни и привычки многих горожан. В результате массовых миграций в городе меняется этнический состав населения, меняется внешний облик, появляются новые спрос и предложения в сфере товаров и услуг. В том числе меняется мода на коллекционирование среди частных лиц и в музейных собраниях. Известно, что в основе большинства выдающихся музеев (Государственный Эрмитаж, Третьяковская Галерея, Гугенхейм, Галерея Боргезе и т.д.) стоит частная коллекция, тому не исключение многие отделы в музее Лувр.

Масштабное присутствие в Париже иммигрантов-мусульман со второй половины XX века привело к усилению контактов с исламским миром. Плодом тесных культурных контактов стал Институт арабского мира. Целью данной статьи является выявить как представлено исламское искусство в Париже, и как государство использует культуру в качестве фактора интеграции иммигрантов. Для достижения поставленных целей необходимо решить следующие задачи: проследить возникновение сектора исламского искусства в главном музее Франции – Лувр и рассмотреть государственные программы по знакомству и привлечению иммигрантов к культуре Франции.

В 1987 году для Парижа и Европы в целом состоялось событие в наибольшей степени отразившее изменившийся этнический состав, а значит и культурный пласт европейский городов - открытие Института арабского мира. Необходимо отметить, что до открытия Института центром арабского мира в Париже была Большая парижская мечеть, построенная еще в 1926 году. Таким образом, на карте Париже единственное место, которое позволяло больше ознакомиться с арабской культурой, было религиозное учреждение и совершенно отсутствовало

светское. В 1981 году президент Франции Франсуа Миттеран при содействии 22 стран-членов Лиги арабских государств (Марокко, Ливан, Тунис, Египет, т.д.) утвердил проект создания Института, который познакомил бы людей с арабской цивилизацией, языком, наукой, искусством. Появившийся центр тогда возглавили директор Бассен эль Жиср и президент Поль Картон, которые определили его миссию как способствовать культурному обмену, взаимодействию и укреплять взаимопонимание между арабским миром и Францией, а также Европой в целом.¹ В постоянной экспозиции представлены несколько тем, которые помогают посетителям проследить историю возникновения и развития арабской цивилизации: доисламский период, период формирования исламской науки и искусства, период расцвета арабо-мусульманской культуры, а завершает экспозицию современный период. Среди экспонатов встречаются произведения, привезенные из сирийской Пальмиры, христианское, исламское, иудейское книжное мастерство, предметы этнографии, неотъемлемой частью которого является искусство ковроткачества, древние и мультимедийные географические карты, изобразительное искусство как традиционное, так и современное. Примечательно, что широтой своих фондов институт обязан, в том числе и дарам частных коллекционеров, таких как: коллекция семьи Халид эль Гариб, семьи Бувье и семьи Дюброфф. В 2017 году Институт отмечает свое 30-летие существования, непрерывное функционирование подтверждает его необходимость и связующую роль для современного полиэтнического Парижа.

Открытие в музее Лувр в 2012 году новой экспозиции, посвященной коллекции Отдела искусств Ислама является результатом наиболее масштабного строительства в музее за последние десятилетия.

История возникновения Отдела искусств Ислама начинается в 1893 году, именно тогда была учреждена секция мусульманского искусства в Лувре. В 1905 году был открыт первый зал, представляющий коллекцию исламского искусства. Коллекция формировалась преимущественно за счет усердной работы хранителей и научных сотрудников, особый вклад внес главный хранитель Гастон Мижеон. Затем, в 1932 году был учрежден Отдел азиатского искусства, в состав которого вошла исламская коллекция. В конце 1930-х годов вся коллекция исламского искусства тогда была передана Национальный музей восточных искусств Гиме, и находилась там вплоть до окончания Второй мировой войны. Уже в 1945 году между музеями Гиме и Лувр состоялся обмен коллекциями: музей Гиме вернул в Лувр коллекцию исламского искусства, а Лувр в свою очередь отдал всю свою коллекцию азиатского

1 Foissy M., Delpont E. *Connaissance des arts: Musée Institut du monde arabe*. Paris, 2012. 12 с.

искусства.² Таким образом, зародившаяся коллекция искусства мусульманского мира окончательно заняла свое место среди прочих секций в Лувре. Тем не менее, коллекция не была столь многочисленной, поэтому и не была выделена в самостоятельный фондový отдел. В течение почти полувека коллекция пополнялась вялотекущим образом, к тому же отсутствие отреставрированных залов дворца не позволяло выставлять экспонаты, имеющиеся в запасниках. Ситуация изменилась в 1993 году, благодаря министерству финансов состоялась масштабная реконструкция крыла Ришелье в Лувре, что позволило разместить имеющиеся экспонаты в музейно-экспозиционном пространстве в 1000 кв.м. В 2003 году в секцию была передана коллекция исламского искусства из Музея декоративного искусства Парижа, таким образом, коллекция стала полноценной и объемной. В связи с этим секцию искусств ислама выделили в самостоятельный отдел фондов музея. 2003 год считается датой основания Отдела искусства ислама в Лувре. В 2008 году залы в крыле Ришелье были снова закрыты для публики, а все экспонаты из старой коллекции Лувра и из новых поступлений Музея декоративного искусства были отправлены на инвентаризацию, переклассификацию и реставрацию. Параллельно был запущен проект по реставрации фасадов дворца, образующих двор Висконти. А архитекторы Руди Риччотти и Марио Беллини разработали художественное оформление двора и его стеклянный потолок. В результате 22 сентября 2012 года открылась музейная экспозиция, которая выстроена как панорама художественных произведений, начиная с самого зарождения ислама в 7 веке н.э. до XIX века, включает в себя: архитектурные элементы, изделия из кости, камня, металла, стекла или керамики, текстиль и ковры, книжное мастерство. Экспозиция выстроена по принципу сопоставления различных культур и демонстрации культурного взаимовлияния между регионами исламского мира. Она позволяет оценить не только однородность исламского искусства, но и чрезвычайное разнообразие художественных идей вокруг общеисламских тем.

Коллекция Отдела искусства ислама состоит из подаренных Лувру более 14 000 единиц хранения из частных коллекций и чудесно дополнена 3 500 предметами из Музея декоративного искусства многие, из которых ранее не экспонировались и не публиковались в каталогах.

История формирования коллекции уходит корнями в 1793 год, после Великой французской революции в бывшем королевском дворце Лувр был учреждён Центральный художественный музей, основу которого составила королевская коллекция искусства, в которой находились предметы исламского искусства. В бывшей королевской коллек-

2 Collectif du Louvre. Les arts de l'Islam au Musée du Louvre. Hazan. Paris, 2012. 19 С.

ции насчитывается чаша, отделанная золотом и серебром, созданная в XIV веке в Сирии более известная как Купель Святого Людовика, а также парные нефритовые статуэтки, привезенные из Османской империи, некогда принадлежавшие Людовику XIV. Кроме того, частью коллекции являются предметы, доставшиеся от королевского аббатства Сен-Дени, как например, кувшин из природного кристалла изготовленный в Египте в начале XI века.

Незадолго до Первой мировой войны Париж становится основным европейским центром формирования коллекций исламского искусств. В 1912 году в дар отделу было преподнесено наследие баронессы Делор де Глеон, которое обогатило коллекцию ценными предметами искусства. Впоследствии в 1922 в одном из павильонов музея был открыт одноименный зал «Делор де Глеон». После Первой мировой войны в 1922 году семья Ротшильдов преподносит в дар Лувр часть своей огромной коллекции искусства. Затем после Второй мировой войны для секции исламского искусства настает некий упадок вплоть до 2003 года, секция пополнилась крупными дарами только в 1955 году коллекцией графа Франсуа Шандона де Бриай. Необходимо отметить, что коллекция Музея декоративного искусства позволила дополнить ранее недостающую часть предметов, представляющих страны Магриба и период империи Великих Моголов в Индии.

Генеральный директор Лувра Генри Луаретт так объясняет смысл открытия нового отдела и залов экспозиции искусств Ислама: «Безусловно, существует определенная близость между представленным искусством и нашими посетителями-мусульманами. Привлечение только этой категории граждан не является нашей основной задачей. В первую очередь мы хотим поделиться красотой, богатством и важностью знать больше об исламском искусстве всем вместе не только с гражданами Франции, но и с посетителями Лувра со всего мира».³

Институт арабского мира как и Музей Лувра является участником проекта «Жить Вместе». Начиная с 2004 года 30 учреждений культуры скооперировались, чтобы привлечь публику, наименее приближенную к институтам культуры. Целью данного проекта является борьба против дискриминации в сфере культуры, а также содействие культурной демократизации. Проект иллюстрирует культурную вариативность: музей, театр, танец, музыка, кино, библиотеки, медиатеки, архивы. Для того чтобы решить задачу привлечения разнообразной публики учреждения культуры адаптируют свои предложения в сфере посещения таким образом делая культуру более доступной.

3 La part lumineuse d'une grande civilization//louvre.fr.[Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.louvre.fr/le-nouveau-departement-des-arts-de-l-islam>.

Проект появился в ноябре 2003 года по инициативе Министерства культуры и связи Франции. Реализация проекта изначально была возложена на Музейный центр «Городок науки и индустрии» в целях объединения и расширения действий, проводимых министерскими учреждениями в борьбе с дискриминацией и нетерпимостью. В течение 12 лет Музейный центр проводил реорганизации в учреждениях культуры, структурируя метод работы проекта «Жить Вместе».

В целях привлечения наиболее уязвимой публики в данном случае слабоинтегрированных иммигрантов, учреждения выработали концепцию работы с людьми, которые могут играть роль посредников между ними и публикой. Этими посредниками могут быть волонтеры, социальные работники, культурные менеджеры, преподаватели, воспитатели, каждый кто, прежде всего, считает, что культура способствует формированию индивидуальности. Их работа заключается в знакомстве с французской культурой, поддержке в школьном обучении, интеграции или восстановлении социальных связей.

В каждом учреждении-участнике проекта внедрен следующий простой механизм посещения, который обеспечивает:

- сотрудника, который устанавливает связь с посредниками
- бесплатные сеансы обзорных и ознакомительных экскурсий и образовательных программ
- адаптированные информационные материалы
- подготовительные и вспомогательные материалы для посещения
- адаптированный преискуртант.⁴

Успешность данного механизма заключается в совмещении ресурсов и контактов. Каждый триместр учреждения вырабатывают новые программы посещения, которые затем обобщаются в единый свод. Утвержденную программу учреждение передает своим посредникам, а также знакомится с новыми посредниками проекта «Жить Вместе». Наряду с ознакомительными визитами для охватываемых категорий граждан, все учреждения предлагают подобные визиты, в том числе и самим посредникам. Уполномоченные сотрудники учреждений и посредники регулярно встречаются для совместной продуктивной работы. В частности, они совместно разрабатывают устав в целях повышения доступности учреждений культуры. Каждый год организовывается форум, который позволяет им разработать новые направления в работе, содействующие дружественному обмену опытом между сотрудниками учреждений и посредниками.

⁴ Mission: [Vivre ensemble//culturecommunication.gouv.fr](http://culturecommunication.gouv.fr). [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.culturecommunication.gouv.fr/Politiques-ministerielles/Developpement-culturel/Mission-Vivre-ensemble>

Уже более 10 лет неотъемлемой частью культурной жизни Парижа являются ежегодные городские акции «Ночь музеев» и «Белая ночь». Данные акции направлены на популяризацию и доступность культуры и искусства для всех категорий граждан. В рамках акции Ночь музеев государственные и частные музеи города открывают свои двери для посетителей на безвозмездной основе с подготовленной культурно-развлекательной программой, ежегодно она охватывает около 2 миллионов горожан. Акция «Белая ночь» выходит за рамки уже задействованных музеев и привлекает к участию все имеющиеся учреждения культуры: театры, кинотеатры, культурные центры, более того акция выходит за пределы зданий на улицу и разворачивает представления, спектакли, инсталляции, танцы на центральных площадках города от Собора Парижской Богоматери до Эйфелевой башни. Благодаря мероприятиям в открытом пространстве города появилась возможность охватить наименее задействованную аудиторию. Таким образом, горожане всех возрастов, любого этнического происхождения и вероисповедания становятся участниками и зрителями акции. В результате культура становится объединяющим фактором, способствующим взаимной интеграции населения.

В заключении следует отметить, что исламское искусство представлено в Париже обширно и доступно: начиная от экспозиции в залах Лувра до отдельного учреждения, полностью посвященного мусульманскому миру. Согласно вышеизложенному очевидно, что культурные контакты между Францией и арабским миром зародились очень давно. Интерес к исламскому искусству, который сначала проявляла королевская семья, затем распространился на частных коллекционеров, чьи собрания легли в основу многих музеев. Таким образом, параллельно с Лувром секции искусства ислама появлялись и в Музее восточных искусств Гиме, Музее декоративного искусства и т.д. Благодаря подобным экспозициям у посетителей есть возможность ознакомиться и понять ислам, мусульманский мир, его традиции и историю. В то же время, государство в полной мере использует культуру как связующего звено между иммигрантами и остальным населением города. Благодаря разработанным программам специалисты открывают иммигрантам культуру и традиции страны нового местожительства. Ежегодные городские акции, нацеленные на популяризацию культуры, за счет отсутствия определённых рамок и границ вовлекают в культурную жизнь города все категории граждан, создавая климат для естественной интеграции.

Bibliography

1. Foissy M., Delpont E. *Connaissance des arts: Musée Institut du monde arabe*. Paris, 2012. 67 p.

2. Collectif du Louvre. Les arts de l'Islam au Musée du Louvre. Hazan. Paris, 2012. 48 p.
3. La part lumineuse d'une grande civilization//louvre.fr. - <http://www.louvre.fr/le-nouveau-departement-des-arts-de-l-islam> (01.10.2016)
4. Mission: Vivre ensemble//culturecommunication.gouv.fr. - <http://www.culturecommunication.gouv.fr/Politiques-ministerielles/Developpement-culturel/Mission-Vivre-ensemble> (03.10.2016)
5. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9-20.
6. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia. Moscow: Monograph. - M.: Etnosotsium, 2016. 266 p.
7. Ryabova E.L. (Review) Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia In XXI century: a national response to the national question. M.: Etnosotsium, 2015. // Etnosotsium and international culture. 2015. №10 (88). - P. 175-179.
8. Ryabova E.L. Interethnic conflicts: the question about the causes and ways to overcome // Etnosotsium and international culture. 2012. №1 (43). - P. 10-15.
9. Ryabova E.L. The discussion on the strategy of international relations (editorial) // Etnosotsium and international culture. 2012. №5 (47). - P. 7-8.
10. Bormotova T.M. The impact of social mainstreaming migration prerequisites for the development of an effective migration policy and its implementation // Cultural World. 2014. № 1. P. 52-57.
11. Bormotova T.M., Mercury A.V. The main strategic goal of inter-ethnic and inter-religious cooperation is to ensure the national security of Russia // Mission confessions. 2012. № 1. P. 39 - 45.
12. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 2. / International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
13. Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia in the XXI century: a national response to the national question: Monograph. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2009.
14. Ternovaya L.O., Bagaeva A.V. Legal basis for European integration. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics through the Prism of Historical Comparisons: the First Postwar Year and 70 Years Ago / Etnosotsium and international culture. 2016. №4 (94). P. 9-16.
16. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // "Interchurch Mission" 2016. №14. P. 6-13.
16. Bredihin A.V. Donetsk-Makeevka agglomeration: the development of cross-border cooperation // Almanac Cossacks 2016. №19. P. 12-17.
17. Kostukov A.L. Peculiarities of Russian educational services export // Almanac Cossacks 2016. №20. P. 51-65.
18. Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Cossacks of South Russia: Past and Present: schoolbook. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2011.
19. Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Fundamentals of Cossack culture: schoolbook. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
20. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia: Monograph. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
21. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 3. / International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
22. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 4. / International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
23. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 5. / International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
24. Shuplenkov O.V. Would Cossack woman - Cossacks will // Almanac Cossacks 2016. №19 P. 26-27.

Клинцова М.Н.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной философии
Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.*

Межэтнические и межконфессиональные браки в Республике Крым на современном этапе

Проблема межэтнических и межконфессиональных браков традиционно является актуальной для многонациональных регионов. На протяжении тысячелетий Крым был перекрестком культур и цивилизаций. Этноконфессиональное пространство полуострова складывалось в процессе многовекового взаимодействия разных народов, религий и культур, большинство из которых относилось к двум мировым цивилизациям: исламской и восточно-христианской. История Крыма и его современный образ определяются не только особенностями межэтнического и межконфессионального взаимодействия, но общностью судеб многих этносов. Вот почему проблема межэтнических и межконфессиональных браков как результата переплетения этих судеб в Республике Крым приобретает особую актуальность.

Важной особенностью межэтнических браков на полуострове является то, что в них вступают представители не только разных этносов, но и разных конфессий. В настоящее время в Крыму имеются общины 52 конфессий, 67% организаций принадлежат к православию и исламу (505 и 410 соответственно). Более 20% от общего количества организаций протестантские (протестантизм представлен на полуострове 16 течениями), приходы Римско-католической (13), Украинской греко-католической (9), а также украинской автокефальной православной церковью (10). Кроме того, в Крыму существуют украинская, немецкая, караимская и иудейская общины. [3, с. 41]. Фактор поликонфессиональности делает межэтническое взаимодействие в Крыму более сложным, а в условиях конфликта становится дополнительным источником напряжения между этническими группами.

Чтобы лучше понять особенности межэтнического и межконфессионального взаимодействия в Крыму, важно уяснить условия, в которых оно реализуется. Для этого рассмотрим основные характеристики этнополитической обстановки на полуострове до и после воссоединения Крыма с Россией.

В период нахождения в составе Украины в крымском обществе был сформирован достаточно высокий потенциал возможного этнополитического конфликта. Его главной идеологической составляющей была

мысль о том, что государство - атрибут и гарант сохранения этногрупповой целостности. Это означает, что всё то, что составляет государство (территория, общественное устройство, институты власти), должно иметь этнонациональный характер и быть элементом какой-то одной культурной системы.

Такие представления и претензии в условиях украинской модели этнической политики создавали моральную основу для требований контроля над государством со стороны определённой этнической общности, даже если её представители не составляют большинства населения данного региона. Именно эту идею положили в основу своей политической программы лидеры националистического движения татар Крыма. Во всех основных документах самопровозглашённых органов власти татар «курултая» и «меджлиса» утверждается имманентная приоритетность суверенитета в Крыму их этнической группы [5, с. 31].

После воссоединения Крыма с Россией сферу межконфессиональных и межнациональных отношений можно охарактеризовать как стабильную и прогнозируемую, поскольку определенный уровень межнациональной напряженности компенсируется успешной работой федерального центра и крымских властей.

По данным Центра изучения межнациональных конфликтов (ЦИНК), в 2014 году Крым попал в категорию «регион с высокой степенью межнациональной напряженности», в котором «этническое противостояние начинает приобретать системный характер. Высока угроза выхода ситуации из под контроля. Общий прогноз умеренно неблагоприятный, серьезный инцидент может спровоцировать массовый конфликт» [2, с. 292].

Формированию такой ситуации способствовало то, что высокая межэтническая напряженность сознательно формировалась и поддерживалась в Крыму украинскими властями на протяжении всего постсоветского периода. При этом более двадцати лет Киев рассматривал «меджлис» как орудие борьбы с этническими русскими Крыма. Оказавшись в положении маргинальной организации, «меджлис» и сегодня остается основным дестабилизирующим фактором и продолжает провоцировать экстремизм и межнациональную напряженность. Усугубляют обстановку сложная поликонфессиональная структура полуострова, взаимные исторические претензии, а также попытки Киева и Запада разыграть здесь национальную карту.

В настоящее время Крым испытывает деструктивное внешнее воздействие со стороны Украины, Турции, ЕС и США.

В этих сложных условиях политика властей Крыма, направленная на укрепление национального согласия на полуострове, оценивается как экспертами, так и в целом населением в основном положительно.

В ходе экспертного и массового опросов, проведенных в марте 2015 года во всех административно-территориальных единицах Республики Крым в рамках реализации проекта «Мониторинг этнополитических процессов в Крыму», зафиксировано преобладание ответов респондентов, оценивающих состояние межнациональных отношений как «в целом нормальное» или «скорее нормальное, чем напряженное». Суммарный удельный вес таких оценок составляет 82,2%. Следует подчеркнуть, что, комментируя свой выбор оценки в данном вопросе, подавляющее большинство респондентов, участвовавших в массовом опросе, отмечали, что это заслуга правоохранительных органов и результат присоединения Крыма к России [2, с. 293].

Категории ответов в оценке состояния межнациональных отношений «в целом нормальное» и «скорее нормальное, чем напряженное» преобладают во всех этнических группах, изменяясь у респондентов основных этнических групп Республики Крым от 69,1% у крымских татар до 85,6% у русских.

Обратная тенденция наблюдается в ответах респондентов самых многочисленных этнических групп Крыма, выбравших варианты ответов «скорее напряженное, чем нормальное» и «в целом напряженное». Здесь диапазон изменений удельного веса ответов варьируется в пределах от 12,5% у русских до 29,2% у крымских татар [2, с. 293].

В качестве источников межнациональной напряженности респонденты указывали «провокационное поведение представителей отдельных национальностей» (39,8%), «социально-экономические проблемы» (23,1%) и «правовая безнаказанность отдельных этнических организаций» (17,5%) [2, с. 294].

Отметим, что, несмотря на все существующие трудности, наметилась тенденция к улучшению межэтнической обстановки в Крыму.

Описанная этнополитическая ситуация на полуострове, с одной стороны, определяет развитие межэтнических отношений, а с другой – формируется самими участниками этих отношений. Таковыми в современном Крыму являются представители более 170 этнических групп. Наиболее крупными из них являются следующие: русские, украинцы, крымские татары. Согласно данным за первое полугодие 2015 года, они в совокупности составляют 90,6% населения полуострова [3, с. 5].

В настоящее время довольно сложно определить различия и какие-то культурные границы между русскими и украинцами в Крыму. В культурном, языковом, конфессиональном, даже демографическом отношении обе части населения полуострова являются единым сообществом. Частью этого сообщества являются также и другие этнические группы: местные греки, евреи, армяне, болгары и многие другие [4, с. 5].

Хотя в процентном отношении крымские татары значительно уступают русскому культурному сообществу Крыма (чуть более 10% против 80%), тем не менее по целому ряду признаков эта группа должна быть обозначена как вторая многочисленная культурная группа Крыма [3, с. 5].

По данным последней украинской переписи 2001 г. русские составляли 1 180 441 человек, украинцы – 492 227 человек, крымские татары – 243 433 человека [5, с. 29]. Первые две из них – русские и украинцы – не имеют чётко выраженных мест компактного проживания и в основном равномерно распределены по территории полуострова. Крымские татары также расселены дисперсно в городах Крыма, но образуют довольно компактные массивы в пригородах и сельской местности.

Численность русских в Крыму всегда значительно превышала количество украинцев. Около 50% от общей численности русских и большинство украинцев – около 70% – не родились на полуострове и по сути являются укоренившимися здесь мигрантами. Дисперсное расселение русских и украинцев, особенно в городских населённых пунктах, отсутствие между ними языкового барьера, культурная близость приводят к большому количеству смешанных браков. Многим из тех, кто родился в русско-украинских семьях, трудно достаточно чётко определить свою национальную принадлежность. В Крыму особенно активно в послевоенный период шёл процесс межэтнической миксации восточнославянских этносов. Начиная с 1954 г., т. е. с момента вхождения Крыма в состав Украины, власти Украинской ССР настойчиво пытались административно-командным путём внедрить здесь украинские языковые и культурные стандарты. Однако их усилия не привели к существенной украинизации. Скорее, сами украинские переселенцы оказались в поле более сильного русского культурного влияния. Между ними не было проявлений межэтнического противостояния [5, с.30].

Начиная с 1989 года, когда М.С. Горбачёв разрешил крымским татарам и другим депортированным в годы Великой Отечественной войны народам вернуться в Крым, этнический портрет полуострова начал существенно меняться. Произошло это за счет быстрого механического прироста крымских татар.

По данным федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе», проведенного с 14 по 25 октября 2014 года, в республике проживало 232340 крымских татар, или 10,1 % от всего населения полуострова [4].

Они представляют собой этническую группу со сплоченной мезоструктурой. Отличаются гораздо большей внутренней этнической однородностью, высоким уровнем национального самосознания и сплочённости, осознанием принадлежности к татарской культурной традиции и тради-

ционной религии – исламу. Кроме того, все годы нахождения Крыма в составе Украины идеологи этнической мобилизации активно выступали против заключения межнациональных браков, заявляя, что такие браки разрушают «генофонд нации», ведут к ее ассимиляции. Все это делает вступление крымских татар в смешанный брак довольно редким, и даже в таких браках позволяет им сохранять свою этническую идентичность.

Индикатором состояния межэтнического взаимодействия в обществе можно считать уровень межэтнической брачности.

Согласно данным последней переписи населения, в Крыму насчитывается 471043 супружеские пары, из них 334186 состоят в однонациональном браке [4].

Среди народов Крыма относительно высокая доля населения, проживающего в мононациональных домохозяйствах, у крымских татар (82%), русских (67%), татар (55%), армян (52%) и украинцев (36%). Относительно низкая доля проживающих в мононациональных домохозяйствах среди немцев (8%), болгар (10%), крымчаков (17%), караимов (18%) и греков (27%). Средний размер мононациональных домохозяйств составляет 3,1 человека, что несколько ниже, чем у всех домохозяйств, состоящих из двух и более человек (3,2 человека). Сравнительно высокий средний размер домохозяйства у крымских татар (4 человека), татар и армян (по 3,7 человека). Для крымских татар, армян и татар характерны более высокие показатели рождаемости и совместное проживание не одного поколения родственников. Преобладание домохозяйств, состоящих из 2 человек, зафиксировано среди мононациональных домохозяйств крымчаков (77%), немцев (76%), караимов (55%), украинцев (52%), болгар (50%) и русских (42%) [1, с. 113 - 114].

Согласно данным, полученным в ходе переписи населения в 2014 году [4], в межнациональном браке состоят 127148 пар. Характерно, что из них русские чаще всего вступают в брак с представителями других славянских народов – украинцами и белорусами. Насчитывается 43641 пара, в которой муж русский, жена – украинка и 41593 пары, где жена русская, муж – украинец. Пар, в которых муж русский, жена – белоруска – 3204, а пар, где жена русская, муж – белорус – 3384. Также немало супружеских пар, в которых жена русская, а муж – крымский татарин (3254), и муж русский, а жена – крымская татарка (1902).

В смешанных браках среди украинцев больше всего пар, в которых жена украинка, а муж – русский (43641 пара). Пар, где муж украинец, а жена – русская – 41593. Мужчины-украинцы достаточно часто женятся на белорусах, зафиксирована 1331 такая пара. Пар, в которых жена украинка, а муж – белорус насчитывается 1283. Реже украинцы и украинки выбирают в спутники жизни представителей крымско-татарской

этнической группы. Пар, где жена украинка, а муж – крымский татарин – 911, пар, в которых муж украинец, жена – крымская татарка – 553.

Крымские татары в смешанных браках чаще всего женятся на русских (3251), украинках (911) и татарках (башкирских, казанских и др.) – 821 пара. Отметим, что браки крымских татар с представителями восточнославянских народов - и межэтнические, и межконфессиональные одновременно, что может, с одной стороны, стать основой взаимного культурного обогащения, а с другой – создать дополнительное поле для конфликтов. Интересно, что, хотя с разной частотой крымские татары вступают в смешанные браки с представителями различных этнических групп, перепись не зафиксировала ни одного брака между крымскими татарами и караимами.

Данная статистика отражает особенности межэтнических отношений в Крыму, показывает векторы межэтнической напряженности. Можно сказать, что происходит миксация восточнославянских этносов и их ассимиляция, «обрусение». Такая же тенденция ассимиляции русской культурой часто прослеживается у других, не столь многочисленных народов Крыма, вступающих в брак с представителями восточнославянских народов. Обратная тенденция максимального сохранения своей этнической и культурной идентичности прослеживается у крымских татар.

Таким образом, полиэтничность и поликонфессиональность - характеристики, исторически присущие крымскому обществу. Сегодня доминирующими этническими образованиями в Республике Крым являются славянский суперэтнос (русские, украинцы, белорусы), в большинстве исповедующий православие, и тюркский этнос (крымские татары), традиционно исповедующий ислам суннитского толка. Процесс межэтнического и межконфессионального взаимодействия в Крыму - довольно сложный, порой напряженный, имеющий конфликтный потенциал. Зеркалом взаимодействия указанных этноконфессиональных групп являются браки между их представителями как частный социальный институт, которые концентрируют в себе особенности и проблемы окружающей этнической, политической, социокультурной среды. С одной стороны, браки между представителями различных этнических групп и конфессий, а также их количество в различных этнических группах могут указывать векторы межэтнической и межконфессиональной напряженности, но, с другой стороны, они могут стать стабилизирующим фактором в подчас непростых межэтнических отношениях в Крыму.

Список литературы:

1. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. – 279 с.
2. Киселева Н.В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Киселева Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Фор-

- манчук А.А. – Симферополь : Салта, 2015. – 352 с.
3. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2015 года / Ред. Тишков В.А., Мануйлов А.Н., Степанов В.В. – Москва – Симферополь: ООО «Антиква», 2015. – 62 с.
4. Перепись населения в Крымском федеральном округе // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 30.10.2016).
5. **Чигрин В.А., Харабуга В.В.** Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества // Вестник Института социологии. 2015. № 15. С. 23-34.
6. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 2 (92). С. 9-20.
7. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л. Гражданское общество в современной России: Монография. – М.: Этносоциум, 2016. 266 с.
8. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л., Гражданское общество в современной России Москва: Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2016.
9. Рябова Е.Л., Щупленков О.В. Основы казачьей культуры: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.
10. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Бисмарк: невыученные уроки истории? / Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №6 (84). С. 124-126.
11. Бирюков С. В., Рябова Е. Л. Евразийская интеграция: Республика Казахстан как пример государственного строительства и участия в интеграционных процессах. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.
12. Протоиерей Димитрий Лескин, Русский мир: историческая миссия // Журнал «Межконфессиональная миссия» 2016. №14. С. 6-13.

Bibliography

1. The results of the census in Crimean Federal District / Federal State Statistics Service. - M.: IPC "Statistics of Russia", 2015. - 279 p.
2. Kiseleva N.V. Ethno-political processes in the Crimea: the historical experience, current problems and prospects of their solution / Kiseleva N.V., Malgin A.V., Petrov V.P., Formanchuk A.A. - Simferopol: Salta, 2015. - 352 p.
3. Inter-ethnic relations and religious situation in the Crimean Federal District. Expert report for the first half of 2015 / Ed. Tishkov V.A., Manuilov A.N., Stepanov V.V. - Moscow - Simferopol: "Antiqua", LLC, 2015. - 62 p.
4. The census of population in Crimean Federal District // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (10/30/2016).
5. Chigrin V.A., Harabuga V.V. The situation in the Crimea and the formation of the historical memory of the society // Bulletin of the Institute of Sociology. 2015. № 15. P. 23-34.
6. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9–20.
7. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia: Monograph. – M.: Etnosotsium, 2016. 266 p.
8. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia Moscow: Monograph. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
9. Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Fundamentals of Cossack culture: schoolbook. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
10. Biryukov S.V., Ryabova E.L. Bismarck: unlearned lessons of history? / Etnosotsium and international culture. 2015. №6 (84). P. 124-126.
11. Biryukov S.V., Ryabova E.L. Eurasian Integration: the Republic of Kazakhstan as an example of state-building and participation in the integration processes. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
12. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // "Interchurch Mission" 2016. №14. P. 6-13.

Ризоев Ш.Х.*Аспирант кафедры национальных и федеративных отношений
РАНХиГС при Президенте РФ.*

Религиоведение – ресурс внутренней политики России (обзор академических дискуссий – весна 2016)

Роль религиозного фактора в гражданской и политической жизни российского общества возрастает. Об этом свидетельствует особый интерес к религиозной сфере, как институту, имеющему инструменты для поддержания межрелигиозной стабильности, национального согласия и единства в стране. Очевидно, что при существующей тенденции к политизации этно-религиозной сферы, вопросы, которые религиоведческое сообщество сегодня ставит перед отраслью, задают стратегию реагирования на возникающие вызовы и угрозы, а само сообщество реализует форматы медиаций для диалога религий и этно-национальных культур, с одной стороны, и государством – с другой¹.

В статье представлен обзор основных мероприятий академического уровня в религиоведческо-этнополитической сфере жизни российского общества, где обсуждались вопросы развития, имеющие для отрасли приоритетное значение. Центральная задача в религиоведческой среде на сегодня – это поиск модели сосуществования религиоведения и теологии, удовлетворяющей потребностям межотраслевого взаимодействия. Перед сообществом также стоит задача цивилизационного порядка – создание канонического корпуса текстов («Патрология Россия») на национальном языке, которого Россия в отличие от других стран и цивилизаций не успела сформировать².

1 См., наприм.: Мельник С.В., Шмидт В.В. Региональный центр «духовной силы» Евразии: 10 лет диалога мировых и традиционных религий // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2013. Вып. 2(3); Данненберг А.Н., Шмидт В.В. Религиозное пространство Евразии: к проблеме диалога // Евразия: духовные традиции народов. – 2013. № 1–2; Козлов М.В., Шмидт В.В. Религиозный фактор и идеология: проблемы метода социально-политического моделирования // Там же. № 3–4; Телегин В.Н., Телегина С.В., Шмидт В.В. Религиозный фактор как инструмент политики стран Европейского Союза // Там же. 2012. № 2. Также см. м-лы научных конференций: Общество и этнополитика: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 24–26 сент. 2015 г.: в 3 ч. / под ред. Л.В. Савинова. Ч. 2. Новосибирск: СибАГС, 2015; Проблемы российского самосознания: религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры: Труды Российской научно-практической конференции светских ученых и теологов с участием зарубежных исследователей (М., 2 окт. 2012 г., Пермь, 4–5 окт. 2012 г.): в 2 ч. М.; Пермь, 2012; архивы журналов: «Национальные и федеративные отношения», «Этносоциум и межнациональная культура», «Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований» и др.

2 См.: Шмидт В.В. «Патрология Россия»: перспективы исторического и метафизического бытия «русского мира» // Кириллица: от возникновения до наших дней. СПб.,

Среди других, актуальных повесток, стоящих перед отраслью, – институционализация отрасли – создание новых институтов / инструментов, которые призваны интегрировать усилия ученых в целях эффективного решения задач, например, как сохранение национальной социокультурной идентичности в глобализирующемся и динамично меняющемся мире, разработка и реализация адекватных моделей государственно-религиозных отношений³.

* * *

Москва, апрель 2016 – симпозиум в РАНХиГС «Религия в аспектах философских, теологических, религиоведческих подходов: проблема определения объекта и экспертизы» (можно заверстать фото – илл. 1)

В президентской Академии участники симпозиума обсудили наиболее важные векторы развития религиоведения и теологии как отраслей гуманитарного знания. Они обменялись мнениями по вопросам разделения их предметных областей. Были конкретизированы задачи отраслевого развития и межотраслевого взаимодействия на ближайшую перспективу. Особое внимание было уделено демаркации предметного поля между религиоведением и теологией, у которых общий объект исследования (сфера религиозного в ее полноте и многообразии феноменов), а их исследовательские фокусы имеют множество точек пересечения.

Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев), ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры свв. Кирилла и Мефодия, обращаясь к участникам симпозиума отметил, что о присутствии теологии в отечественных науке и образовании следует говорить в смысле того, что де-факто и де-юре состоялось вхождение теологии в научно-образовательное пространство страны.

Была затронута и концептуальная область демаркации между «Религиоведением» и «Теологией». Ректор Поволжского православного института им. свт. Алексия, митрополита Московского, протоиерей Дмитрий Лескин рассуждал о категориях теологии и религиоведения. Он

2011; Шмидт В.В. От 60-летия «ВФ» к 80-летию «ИФ»: («Патрология Россия»: к обоснованию проекта и перспективах метафизического бытия «русского мира») // Вопросы религии и религиоведения [Антология отечественного религиоведения] / сост. и общ. ред. О.Ю. Васильева, Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Вып. 1. Ч. 4: Кафедра государственно-конфессиональных отношений РАГС. М., 2009; Религии России: учебное, справочно-аналитическое пособие по вопросам государственно-конфессиональных отношений и религиоведению / сост. и общ. ред. О.Ю. Васильевой, В.В. Шмидта. М., 2009. С. 5, 96–98.

3 См.: Шмидт В.В. Религиоведение в системе вызовов и народохозяйственных задач России начала XXI в. // Религиоведческие исследования. 2015. № 1 (11), и др. статьи: Фолиева Т.А. Головокружение от успехов II; Антонов К.М. Структура, границы, организация: три рефлексии по мотивам текста Т.А. Фолиевой; Аринин Е.И. Кровь, пот и слезы регионального религиоведения; Давыдов И.П. «Черный ящик» российского религиоведения (антифон Т.А. Фолиевой); Смирнов М.Ю. Два тезиса о российском религиоведении; Элбакян Е.С. Современное российское религиоведение – в горе и в радости.

обратил внимание на различие: «Религиоведение изучает общество, то есть людей. Методологический принцип этой науки исключает феномен трансцендентного, что для теолога является неприемлемым». У теологии в отношении к религии есть особые задачи исследования, которые несвойственны религиоведению: «Несомненно, мы должны признавать сферу деятельности возможно осуществимую для теологии так же, как признаем для религиоведения, для иных отраслей социально-гуманитарных наук». По его мнению, если будет учитываться та система координат, в которой действует каждая научная область, в том числе и область теологии, тогда не будет повода к конфликтам и противостоянию.

О проблеме отраслевой демаркации рассказали представители не только богословских центров, различные подходы представили методологи науки и религиоведы. Например, руководитель группы «Онтология» сектора теории познания Института философии РАН, профессор А.Н. Павленко отнес операциональные категории, используемые в теологических дискурсах, к разряду переживаний и эмоций. По его словам, наука, кроме прочих, активно использует естественнонаучный инструментарий; в арсенале же теологии из научного инструментария лишь единственный – логический. Поэтому А. Павленко предложил не спешить с «научностью» теологии, поскольку «...с методологической точки зрения перед ней уже совсем скоро для нее самой откроются совершенно неожиданные горизонты».

Руководители ведущих религиоведческих кафедр МГУ и СПбГУ И.Н. Яблоков и М.М. Шахнович, признавая за теологией право на научность, указали на такой критерий как профессионализм исследователя. Обращаясь к предметной области, профессор Яблоков подчеркнул: «Теология – это система знаний о том, что называется Богом, а религиоведение – система знаний о знаниях о Боге; таким образом, если нет первого, то и предмет религиоведения ускользает, тогда как у теологии предмет остаётся». Профессор Шахнович отметила: «В современном образовательном пространстве и в академическом дискурсе существовало противостояние теологии и философии, но граница здесь подвижна. Если и проводить демаркацию, то проходить она будет по профессионализму исследователя. Если мы хотим информировать, давать знания – это по ведомству религиоведения, а если мы хотим воспитывать, то это – сфера философии, сфера духовно-нравственных ценностей, сфера теологии», – заключила М.М. Шахнович.

Руководитель Учебно-научного центра изучения религии РГГУ, профессор Н.В. Шабуров предложил обратить внимание на специфику теологии: «Вне теизма, теистических систем теология невозможна, поскольку она основана на принципе Божественного откровения, которое выраже-

но в определенных текстах. Эти тексты являются фундаментом – базой теологии как таковой... Основной предмет теологии – это Бог, теология может быть только конфессиональной, и в этом главное отличие религиоведения от теологии, – обобщил спикер. – Религиоведение занимается религией как феноменом человеческой жизни, человеческого сознания».

Е.И. Аринин, профессор Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, затронул вопрос о форме преподавания теологии в светских университетах и выразил надежду, что компромисс будет найден: «Сегодня возрождаются религиозные ценности, и возникает вопрос, как преподавать религиоведческие дисциплины в университете. Как конкретную доктринально-вероучительную дисциплину, когда даётся знание о религиях, ввести в универсальный контекст?». Профессор Аринин заметил очевидность разницы между церковным богословием и теологией в университетском смысле: есть точка зрения Церкви, и есть университет с его логико-критическими традициями, традициями и критериями научности – верификации, фальсификации, достоверности и т.д.

В.В. Васильев – профессор кафедры истории зарубежной философии МГУ им. М.В. Ломоносова и председатель экспертного совета по философии, социологии и культурологии ВАК России – не исключил, что религиоведение может быть поглощено теологией. Рассматривая возможные сценарии, профессор обратил внимание на дискуссионность проблемы формирования общей УГС по религиоведению и теологии.

Доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Апполонов, рассуждая о будущем двух дисциплин, также видит опасность усугубления конкурентной борьбы: «Вместо богословия, как оно должно было называться по российской традиции, мы имеем некую латинизированную теологию, которая занимается всем, кроме Бога». Эксперт считает, что это будет иметь серьезные последствия для религиоведения, потому что мы получаем две дисциплины, которые занимаются практически одним и тем же, и они будут конкурировать.

В ответ на обеспокоенность коллег, митрополит Иларион уверил: «Я, в частности, считаю, что возможно достичь хорошего взаимопонимания и сотрудничества с религиоведами. Теология не ставит своей задачей вытеснение религиоведения из университетского и академического пространства, не ставит задачи подмены собой, занятия позиций религиоведения. Именно потому, что мы, со своей стороны, видим предметно-методическую специфичность теологии по отношению к религиоведению, мы и не претендуем на ее академический удел. Напротив, мы считаем, что появление теологии в качестве научной специаль-

ности будет способствовать лучшему пониманию предметно-методической специфики религиоведения».

Руководитель Департамента образования науки и культуры Духовного управления мусульман России Ш.Р. Кашаф поддержал позицию митрополита Илариона – обратил внимание участников симпозиума на позицию шейха муфтия Равиля Гайнутдина: «На наш взгляд, теология и религиоведение в их совокупности могут дополнять друг друга, и это может способствовать лучшему постижению мироздания, к чему нас призывает Всевышний Творец». Среди тех условий, которые ещё в 2000-м году обозначил шейх Р. Гайнутдин – то, что мусульманское богословие должно преподаваться мусульманами по учебным пособиям, которые были бы согласованы в первую очередь Минобрнауки России и утверждены ДУМ России для исключения противоречий российскому законодательству.

Итог симпозиума подвел профессор кафедры национальных и федеративных отношений ИГСУ РАНХиГС В.В. Шмидт. «С 90-х гг. страна и общество претерпели существенные изменения – сегодня мы имеем факт сложившейся религиозной системы, не только ставшей неотъемлемой частью ее народохозяйственного комплекса, но имеющей в нем стратегическое значение, а комплексное развитие этой отрасли (повышение качества ее ресурсных баз, развитие инфраструктуры и инструментария) – задача, которая не может остаться без внимания со стороны как профессиональных сообществ, так и органов управления».

Орёл, май 2016 - симпозиум в Омского государственного университета им. И.С. Тургенева и РАНХиГС «Религия как фактор этнокультурной и национально-государственной идентичности» (можно заверстать фото – илл. 1)

Симпозиум стал вторым в преддверии III Конгресса российских исследователей религии «Академическое исследование и концептуализация религии в XXI в.: традиции и новые вызовы», который запланирован на октябрь 2016 г. На Орловском симпозиуме эксперты рассмотрели проблемы, связанные с ролью религиозных традиций и религии в целом в государственном и национальном строительстве, с особенностями влияния религиозных традиций на культурно-цивилизационное измерение идентичности.

В рамках симпозиума «Религия как фактор этнокультурной и национально-государственной идентичности» эксперты обсудили темы, имеющие первоочередное значение в сфере духовной и гуманитарной безопасности. Были рассмотрены вопросы аксиологии, идентификации и другие, которые лежат в основе формирования ценностного мира гражданина на личностном и индивидуальном, институциональном,

уровнях. По итогам состоявшихся дискуссий высказанные точки зрения можно сгруппировать по трем основным направлениям: религия и политико-идеологический дискурс; этнорелигиозность и социологическое знание; исторические аспекты религиозности.

Проблемы религии в системе идеологического дискурса осветил профессор кафедры национальных и федеративных отношений РАНХиГС, член Управляющего совета Ассоциации российских религиоведческих центров В.В. Шмидт. Он обратил внимание на специфику строительства Российского государства как особого типа цивилизации. Несмотря на пестроту национальных, религиозных и культурных форм жизни, народы Руси оказались едины именно в построении государства. «Нашему народу свойственно обостренное чувство ответственности за сохранение ценностей, – отметил проф. Шмидт. – Необходимо бережно относиться к наследию, поскольку достижения в разные периоды российской духовной традиции помогают адекватно реагировать на возникающие вызовы...

Работа по определению новых подходов в исследовании религиозного комплекса как цивилизационного ядра культуры дает возможность увидеть в религиоведении эффективный инструмент для обеспечения гражданско-политической стабильности российского мультирелигиозного и полиэтничного общества», – уточнил эксперт. По его мнению, «...российское религиоведение в лице религиоведческих центров имеет серьезное преимущество перед иными национальными религиоведческими традициями именно потому, что его ресурсом выступает широкое разнообразие этнокультурных традиций народов России».

Ректор Поволжского православного института им. святителя Алексия, митрополита Московского, протоиерей Дмитрий Лескин поделился своим видением Русской идеи как области пересечения религиозной и этнической идентичности. Ссылаясь на работы русских философов, он заметил, что русская нация, будучи неотъемлемой частью европейской общности, сформировала свой уникальный путь развития, а потому русский путь можно рассматривать в качестве альтернативы европейскому пути. «Верность Православию есть вселенская задача, которая продиктована предельным одиночеством русской цивилизации, предельной мобилизации. Поэтому русская культура всегда стремится ко всему вселенскому», – заключил протоиерей Дмитрий.

К социологическим данным в контексте современной российской религиозной идентичности обратилась руководитель Центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН профессор М.М. Мчедлова. В современном российском обществе наблюдаются процессы архаизации политических институтов в противовес цивилизационным принципам. Причина этого является – возникновение новых

вызовов. Профессор Мчедлова отметила особый цивилизационный характер Российского государства, где стержнем идентичности индивида остается его гражданская принадлежность: «Идентичность – это основа самобытности в ее религиозном (конфессиональном) проявлении, а религия выступает медиатором между традицией и современностью».

Заместитель председателя Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений протоиерей Александр Пелин обратил внимание на социологические детерминанты – рассуждал о современной тенденции, связанной с расщеплением прав индивидов и их объединений. По мнению о. Александра, возникновение «новой сословности» в рамках профессиональных, этнических, религиозных и других общин может стать базисом для развития новой, более стабильной, устойчивой гражданственности и нового типа российской государственности.

Обращаясь к теме историзма, заместитель директора Орловского филиала РАНХиГС профессор В.А. Ливцов обратил внимание на характер католического влияния на русское просвещение в целом. Эксперт рассмотрел историко-философскую мысль и значимость археографических исследований. Именно аккумулированные знания и опыт предшествующих эпох приносят ясность в понимание генезиса современных процессов, а также специфику формирования религиозной и национальной идентичности.

Подводя итоги симпозиума, профессор В. Шмидт отметил, что формы и механизмы взаимодействия религиозного сообщества и институтов государства и общества далеко не исчерпаны. Ярким свидетельством тому является уровень бытующих в обществе религиозно-теологических представлений и компетенций – система гражданско-государственных отношений и управления испытывает острую нехватку квалифицированных специалистов, а также повышения квалификации тех, кто в ней задействован в настоящее время. Кроме прочего, в перспективе обществу еще предстоит создать на национальном языке антологию религиозно-философской мысли «Патрология России», обобщил В.В. Шмидт.

По итогам симпозиума была озвучена рекомендация о целесообразности создания на базе ОГУ им. И. С. Тургенева и Орловского филиала РАНХиГС регионального научно-образовательного Центра теолого-религиоведческих и этнополитических исследований. Отмечена актуальность разработки совместных образовательных программ религиоведческо-этнополитического и теолого-этнокультурологического профилей.

Новосибирск, май 2016 – научно-практическая конференция «Го-

сударство, Общество и Церковь.....» в Сибирском институте управления – филиале РАНХиГС (можно заверстать фото – илл. 3)

Темами данной конференции стали укрепление межнационального и межрелигиозного согласия, а также вопросы взаимоотношения власти и религии.

Министр региональной политики Новосибирской области Игорь Яковлев, отмечая важность подобных встреч, подчеркнул, что правительство региона с большим вниманием относится к укреплению межнационального и межрелигиозного мира, а также отслеживает и оперативно реагирует на поступающую информацию о проявлениях ксенофобии и межэтнической нетерпимости: «Одним из путей совершенствования является проведение круглых столов, семинаров и научно-практических конференций», – сказал министр, добавив, что с инициативой выступила Новосибирская митрополия, а область ее активно поддержала.

По его словам, особую значимость для этой конференции придает участие в организации глав традиционных религиозных организаций области, научного сообщества, заслуженных экспертов из Москвы и зарубежья, представителей органов власти и местного самоуправления.

Открывая работу профильной секции, митрополит Новосибирский и Бердский Тихон отметил, что возвращение традиционных религий в жизнь страны – яркий признак формирования гражданского общества и обеспечения мировоззренческих свобод: «Мы живем в новой России. Конституция советского времени отделяла все религиозные организации от государства и общества, – напомнил Митрополит. – Сегодня это должно восприниматься как сотрудничество. Традиционные религии возвращаются в жизнь российского общества. Верующие люди, выросшие во время перестройки, осознали, что они полноценные граждане России. Это признак формирования подлинного гражданского общества».

Москва, июнь 2016 – научно-практическая конференция «Роль религии в современном мире», организованная под эгидой Российской ассоциации защиты религиозной свободы (РАРС).

На конференции обсуждались вопросы совершенствования государственно-религиозных отношений, развития межрелигиозного диалога, гармонизации этно-религиозных отношений, сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, мониторинга соблюдения принципов свободы совести в мире и защиты верующих в зонах военных конфликтов.

В работе конференции приняли участие руководитель РАРС А.И. Кудрявцев, ответственный секретарь Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ С.А. Мельников, первый заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям

Церкви общества и СМИ А.В. Щипков, заместитель председателя ОВЦС МП протоиерей Сергей Звонарев, митрополит Московский и всея Руси Корнилий (Русская Православная Старообрядческая Церковь), председатель комиссии Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений И.Е. Дискин, личный представитель председателя ОБСЕ по борьбе с расизмом, ксенофобией и дискриминацией, в том числе с нетерпимостью и дискриминацией в отношении христиан и представителей других религий В.В. Гриб. На форуме с докладом выступил Протоиерей Александр Пелин с темой «Практическая деятельность Центра этнорелигиозных исследований по социальной и этнокультурной мобилизации верующих в Санкт-Петербурге», представив работу центра как важной социально ориентированной инициативы религиоведческой и теологической общественности северной столицы. В ходе конференции прошла презентация научного издания «Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований»⁴.

Москва, июнь 2016 – круглый стол «Религиоведение и религиоведческие дисциплины в системе образования» прошел на философском факультете МГУ и по своим задачам был созвучен саратовской научно-практической конференции «Религиоведческое измерение современности: философия и социология религии», которая также была организована в начале июня Саратовским государственным университетом им. Н.Г. Чернышевского. Оба события фокусировали внимание на разработке адекватной методологии преподавания курса ОРКСЭ в школах и фиксировали состояние преподавания религиоведения в вузах.

Список литературы:

1. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 2 (92). С. 9 – 20.
2. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л. Гражданское общество в современной России: Монография. – М.: Этносоциум, 2016. 266 с.
3. Рябова Е.Л. (рецензия на монографию) Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Этносоциум, 2015. // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №10 (88). – С. 175 - 179.

4 В сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Религиозная ситуация на Северо-Западе: проблема социокультурных идентичностей», прошедшей с Санкт-Петербурге 9–10 марта 2016 г. (секции конференции: «Религиозная ситуация Северо-Запада», «Религиозная и национальная идентичность», «Этнос: культурное и религиозное измерение», «Религия в современном медиапространстве», «Религиозный фактор в современной геополитике», «Традиционализм, модернизм и фундаментализм в религии и культуре Северо-Запада», а также «круглый стол» на базе Государственного музея истории религии с участием представителей религиозных организаций России «Трехвековой опыт Санкт-Петербурга по мирному сосуществованию и сотрудничеству представителей различных этносов и религиозных традиций» под эгидой Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ).

4. Рябова Е.Л. Межэтнические конфликты: к вопросу о причинах и путях преодоления // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. №1 (43). – С. 10-15.
5. Рябова Е.Л. Дискуссия о стратегии межнациональных отношений (редакционная статья) // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. №5 (47). – С. 7-8.
6. Бормотова Т.М. Влияние неконтролируемой миграции на рост трансграничной преступности в европейских странах // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 8 (98). С. 169-173.
7. Бормотова Т.М. Никитина И.Э. Проблемы сближения национальных законодательств стран-членов Евросоюза в вопросах миграционной политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 1 (91). С. 51-54.
8. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л., Гражданское общество в современной России Москва: Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2016.
9. Шупленков О.В. Казачье самоуправление – положительный опыт консенсуса центра и регионов // Альманах Казачество 2016. №20. С. 40-50.
10. Костюков А.Л. Особенности экспорта российских образовательных услуг // Альманах Казачество 2016. №20. С. 51-65.
11. Бредихин А.В. Донецко-Макеевская агломерация: пути развития приграничного сотрудничества // Альманах Казачество 2016. №19. С. 12-17.
12. Рябова Е.Л., Шупленков О.В. Казачество юга России: история и современность: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2011.
13. Рябова Е.Л., Шупленков О.В. Основы казачьей культуры: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.

Bibliography

1. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9–20.
2. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia: Monograph. – M.: Etnosotsium, 2016. 266 p.
3. Ryabova E.L. (Review) Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia In XXI century: a national response to the national question. M.: Etnosotsium, 2015. // Etnosotsium and international culture. 2015. №10 (88). – P. 175-179.
4. Ryabova E.L. Interethnic conflicts: the question about the causes and ways to overcome // Etnosotsium and international culture. 2012. №1. (43). – P. 10-15.
5. Ryabova E.L. The discussion on the strategy of international relations (editorial) // Etnosotsium and international culture. 2012. №5. (47). – P. 7-8.
6. Bormotova T.M. The impact of uncontrolled migration to the growth of cross-border crime in Europe // Etnosotsium and international culture. 2016. № 8 (98). P. 169-173.
7. Bormotova T.M. Nikitina I.E. Problems of convergence of national laws of European Union member states in matters of migration policy // Etnosotsium and international culture. 2016. № 1 (91). P. 51-54.
8. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia. Moscow: Monograph. - M.: International Publishing Center «Etnosotsium», Moscow. 2016.
9. Shuplenkov O.V. Cossack self-government – a positive experience of Centre and Regions' consensus // Almanac Cossacks 2016. №20. P. 40-50.
10. Kostukov A.L. Peculiarities of Russian educational services export // Almanac Cossacks 2016. №20. P. 51-65.
11. Bredihin A.V. Donetsk-Makeevka agglomeration: the development of cross-border cooperation // Almanac Cossacks 2016. №19. P. 12-17.
12. Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Fundamentals of Cossack culture: schoolbook. - M.: International Publishing Center «Etnosotsium», Moscow. 2015.
13. Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Cossacks of South Russia: Past and Present: schoolbook. - M.: International Publishing Center «Etnosotsium», Moscow. 2011.

Ткачева Н.А.

Доктор социологических наук, профессор Кафедры маркетинга и муниципального управления Института менеджмента и бизнеса Тюменского государственного индустриального университета.

Баймухаметова Р.С.

Директор ТОО «Центр психологии и развития личности «Рух».

Этноконфессиональные ситуации в социально-политическом поле Северного Казахстана

Северо-Казахстанская область, в отличие от других регионов Республики, в геополитическом плане имеет ряд особенностей, обусловленных приграничной близостью с крупнейшими областями (Курганская, Тюменская, Омская) Российской Федерации, образуя как бы «северные ворота» Казахстана. В разное время на социально-экономические и социокультурные особенности региона повлияли такие факторы, как строительство Транссибирской магистрали, переселение казачества и крестьян, массовая депортация народов и эвакуация.

Во время Великой Отечественной войны в Северо-Казахстанскую область были эвакуированы десятки тысяч людей из западных областей СССР.

Кропивницкий Н. в статье «Документы Центрального государственного архива Казахстана об эвакуации населения (1941-1943 гг.)» пишет: «По данным заместителя Уполномоченного Управления по эвакуации при СНК Каз.ССР М.Д. Яковлева в Северо-Казахстанской области на 25 ноября 1941 года насчитывалось 13 347 эвакуированного населения [1, с. 21]. Кроме населения, на территорию области было эвакуировано оборудование многих заводов и фабрик. Так по сведению ученых-историков СКО: «На территорию области в первый год войны были эвакуированы 20 заводов, фабрик и других предприятий, из которых образовалась группа оборонных заводов: №№ 239 (в советский период завод им. В.В. Куйбышева, ныне ОАО «ЗИКСТО»), 347 (завод исполнительных механизмов, ныне ОАО «Мунаймаш»), 641 (ОАО «Завод им. С.М. Кирова), 675 (завод электроизоляционных материалов им. М.И. Калинина. Кроме того прибыли махорочная и швейная фабрики, хлебо- и спиртоводочный комбинаты [2, с.257].»

На облик области оказали также годы освоения целины, административно-территориальные переустройства, включающие отнесение области сначала в состав Омской губернии, позже – Центральному Казахстану с центром в Караганде, потом в Акмолинске. В результате

указанных событий представители многих народов в дореволюционный период и в годы советской власти укоренились на казахской земле.

Особенности формирования и развития области стали фактором интеграции, взаимодополнения культур, способствовали становлению полиэтнического и поликонфессионального общества. По данным пресс-службы Комитета по статистике МНЭ РК «Численность населения страны на 1 августа 2015 г. составила 17 563,3 тыс. человек, в том числе городского - 9 983,2 тыс. (56,8%), сельского - 7 580,1 тыс. человек (43,2%), проживают люди 96 национальностей [3].

Национальная политика независимого государства – Республики Казахстан – сохранила традиции развития миролюбивых доверительных отношений представителей всех этносов, уважительное отношение к тем, кто добровольно или насильственно осел на казахской земле, ориентируясь на принцип «единства в многообразии». Важным шагом реализации данного принципа на пути формирования общности представителей разных национальностей стал подход к народу Казахстана как согражданам, когда в решении проблемы гражданства – одного из основных вопросов молодого государства, взят за основу так называемый «нулевой вариант», согласно которому гражданство имели право принять безо всяких условий все, кто постоянно проживал на ее территории на момент провозглашения Декларации о государственном суверенитете 25 октября 1990 г. Этот консолидирующий фактор в значительной мере обеспечил стабильность этнонациональных отношений в Республике. Способствует сохранению устойчивых межэтнических отношений в стране и политики двуязычия при статусе одного государственного языка – казахского. Ориентация на полиэтничность подтверждается Конституцией РК, принятой 30 августа 1995 года, в статье 7, п.3 отмечается: «Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана» [4, с.49].

Примером реализации принципа «единства в многообразии» является Северо-Казахстанская область. Администрация области подписала соглашения о дальнейшем развитии и углублении экономического, культурного и политического сотрудничества с сопредельными регионами России. Укреплению дружественных связей двух государств способствуют такие культурные мероприятия, как «Играй, гармонь, звени, домбра», «Возьмемся за руки, друзья, коль разделила нас граница», взаимное проведение дней культуры народов сопредельных государств, а также совместное празднование юбилеев поэтов, великих мыслителей и общественных деятелей: А.С. Пушкина, А. Кунанбаева, М. Жумабаева, П.Васильева, М. Ауэзова, С. Муканова, И. Шухова и других.

Значительный вклад в сохранение стабильности в казахстанском об-

ществе вносит Ассамблея народа Казахстана, созданная по инициативе Президента страны в марте 1995 года. «Целью Ассамблеи является обеспечение межэтнического согласия в Республике Казахстан в процессе формирования все казахстанской идентичности и конкурентоспособной нации на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности народа Казахстана при консолидирующей роли казахского народа» [5].

В 2007 году Ассамблея обрела статус конституционного органа, получила гарантированное парламентское представительство – право избирать в Мажилис Парламента РК 9 депутатов.

В СКО в рамках деятельности Ассамблеи проводятся научно-практические конференции, массовые мероприятия с участием лидеров национально-культурных центров. По ее инициативе в районах области созданы советы по межнациональным отношениям, в которые вошли руководители национальных объединений и священнослужители, оказывающие положительное влияние на этнорелигиозное согласие. В Петропавловске действует Школа национального возрождения, где дети обучаются родным языкам, усваивают традиции своего народа, учатся мудрости предков.

Все выше сказанное помогает гражданам Казахстана обрести возможность полноценной жизнедеятельности через самоидентификацию, благодаря которой определяется историческая индивидуальность, установить внутренние связи и понять свое «я» посредством собственной культуры, а также сформировать и принять пути взаимодействия с представителями других этносов и конфессий.

Определение перспектив дальнейшего развития общества осложняется не только противоречивостью экономических, социально-политических и национально-государственных процессов, но и духовно-идеологическим кризисом. Следует признать, что в результате распада СССР и вызванных этим социальных потрясений, монополизм коммунистической идеологии, которая на протяжении десятилетий формировала и воспроизводила идентичность народов, сменился периодом духовного безвременья. Во многом именно это обусловило возникновение в переломную эпоху постсоветского периода крайних форм этнонационализма, этнического и религиозного радикализма.

В преодолении взаимного отчуждения и взаимных предрассудков последователей разных религий, в ослаблении негативных тенденций в религиозно-национальных отношениях важная роль отводится духовным лицам и конфессиональным лидерам. Мусульманское и христианское духовенство в последнее время достаточно активно в сфере социального служения. Оно в определенной мере оказывает влияние

на духовно-нравственную атмосферу в обществе. Священнослужители этих конфессий публикуют материалы по истории религии, в которых звучат призывы и к духовному объединению народов, исповедующих различные вероучения.

В последние годы особенно заметен процесс мусульманского возрождения. Открываются новые мечети, серьезное внимание уделяется специальной подготовке священнослужителей. Вместе с тем в Северо-Казахстанской области активизировали свою работу представители 16 конфессий (возникли 163 культовых центра). По мнению Э. Хобсбаума, «люди ищут группы, к которым они могли бы принадлежать устойчиво и долго, в мире, где все движется и перемещается и ничто не является надежным» [б.с.40]. Но противоборства на религиозной почве в регионе не наблюдается, уважительное отношение к вере соседа становится нормой повседневного общения, поскольку «соседство» и совместная деятельность представителей различных конфессий снимает и отчасти нивелирует ценностные различия, расширяя пространство сравнения ценностей, формируя бесконфликтный обмен ими.

Стали более доверительными взаимоотношения служителей религиозных объединений и органов власти, что позволило наладить систематическую совместную деятельность представителей местных властей и конфессий в восстановлении культовых зданий, проведении народных и церковных праздников, оказании материальной и духовной помощи нуждающимся людям, духовно-нравственном воспитании осужденных. Так, например, перечень наиболее значимых совместных акций включает: день Духовного согласия; дни славянской письменности и культуры; фестиваль христианской песни; месячник поддержки малоимущих и др.

Закономерно верховный муфтий и архиепископ Римско-католической церкви, побывавшие в регионе, отметили, что этноконфессиональная политика акимата Северо-Казахстанской области носит конструктивный характер, а жители области в полной мере обладают возможностью реализовать свое конституционное право на свободу совести и вероисповедания.

Акимат выстраивает взаимодействие как с представителями традиционных для Северного Казахстана конфессий, так и новых, исповедующих общечеловеческие, нравственные ценности и вносящих вклад в стабильность региона. Религиозные организации активно вовлекаются в сферы культуры, образования, армейские структуры, где работают совместно с неправительственными некоммерческими организациями.

Нельзя не признать, что ислам и христианство являются традиционными и наиболее привлекательными вероучениями для жителей области. Как самые массовые и авторитетные конфессии они наиболее значимы

по степени влияния на общественную стабильность в Республике Казахстан. Хотя отношения между представителями данных конфессий носят в целом позитивный характер, они не свободны от некоторых проблем и противоречий, являющихся преимущественно следствием включенности религиозного компонента в общественно-политические процессы.

Проведенный Департаментом по делам религии «Мониторинг религиозной ситуации в СКО» показал, что преобладающее число североказахстанцев идентифицируют себя с определенным вероисповеданием (91,5%). Но при этом большинство североказахстанцев (69,2%) отмечают, что в религиозной жизни практически не участвуют [7].

В целом, население Петропавловска и в этническом и конфессиональном плане представляет собой довольно пеструю картину, почти с равным количеством наиболее крупных этносов русских и казахов и верующих христиан и мусульман.

Северо-Казахстанская область в составе Республики всегда характеризовалась исключительно большим процентом русскоязычного населения. Наибольшее число русских 470 тыс. человек, проживавших в области, было зафиксировано переписью 1989 года. Через десять лет, по итогам переписи 1999 года, численность русских в СКО сократилась до 361,5 тыс. человек (на 23%) [8, с.262-263]. (См.Таблица 1).

Таблица 1
Численность населения по отдельным этносам

	1970	1999	2014
казахи	7,92%	18,78%	34,2
русские	72,94%	66,02%	49,9

На сегодняшний день область остается многонациональной. Однако меняется соотношение численности населения по отдельным этносам. Основными этническими группами на территории области остаются казахи и русские. При этом наблюдается постепенное увеличение доли казахского населения и медленное сокращение доли русского населения. В 2014 году оно уже составляло чуть менее половины населения области.

По данным Департамента религии СКО «верующее население области представляют: ислам — 41%, православие— 52%, католики — 6%, протестанты —1%. По числу верующих традиционно лидируют религиозные объединения мусульман и православных христиан, в которые входят более 90% верующих области»[7].

В области действуют 135 религиозных объединений. Функционируют 170 культовых сооружений. В настоящее время ведется строительство 13 культовых сооружений, в том числе, 6 мечетей и 7 православных храмов.

Если в дореволюционное время в регионе существовали в основном мусульманские мечети и православные храмы, то сегодня наряду с названными церковными организациями действуют общины католиков и протестантов: лютеране, евангельские христиане – баптисты, христиане евангельской веры, адвентисты седьмого дня, Новоапостольская Церковь. Имеются здесь и последователи нетрадиционных культов: «Бахаи», общество «Сознания Кришны».

Такая конфессиональная палитра, с одной стороны, является естественным следствием многонационального состава населения Петропавловска, а, с другой, – результатом миграционных процессов и деятельности миссионеров, принесших нехарактерные для Северного Казахстана культуры. В то же время происходит значительное укрепление позиций мусульманских и православных общин. Ведется строительство православного храма в г.Петропавловске. Увеличивается численность верующих и в других церковных объединениях.

Практически все религиозные общины, представленные в городе, интернациональны. Православная община состоит из представителей русской, украинской, белорусской и других национальностей. Мусульманская община объединяет представителей казахской, татарской, азербайджанской, чеченской и других национальностей, издревле исповедующих ислам. В последние годы заметно появление в мечетях и славян. Такой же интернационализм наблюдается и в протестантских религиозных объединениях, и в общинах нетрадиционных культов. Эти примеры свидетельствуют о тесном переплетении и взаимовлиянии межнациональных и межконфессиональных отношений.

Религиозное и этническое в ситуации полной тождественности превращает идентичность в упорядоченную систему значений. Так «...в рамках культуры, ориентированной на определенные стандарты в постижении мира и организации социальной жизни, неизбежна постановка вопроса о соответствии этим стандартам всех видов духовной, интеллектуальной и практической деятельности»[9]. Шаов А.А. отмечает также, что «дополнительным и мощным толчком к согласованию уровней идентичности может служить острый социальный кризис. Известно, что это приводит к кризису идентичности и замене, но не вытеснению той или иной лояльности как окончательный выбор народом мировоззрения с определенным набором приоритетов и ценностей, на базе которых восстанавливается этнокультурная целостность [Там же.]».

В Справке о религиозной ситуации в Северо-Казахстанской области за 1 квартал 2016 года отмечается активная роль традиционных конфессий в укреплении межконфессионального диалога, что выражается в увеличении количества проводимых мероприятий с участием

представителей традиционных конфессий. Среди них наиболее значимые — Рождество, Маулит, Наурыз-мейрамы, выставка духовной книги в областной библиотеке им. С. Муканова, католическая Пасха [7]. В СМИ области регулярно размещаются материалы по пропаганде межконфессионального согласия, традиционных конфессий, профилактике религиозного экстремизма.

К сожалению нет возможности провести сравнительный анализ данных, полученных в результате исследований, которые проводил Департамент по делам религии, так как они публикуются отрывочно без предоставления первоначальных сведений о респондентах.

В упомянутой справке отмечается, что для определения степени религиозности респондентам, принявшим участие в исследовании, были заданы вопросы о религиозной практике. Так, значительное количество верующих области посещают культовые сооружения «несколько раз в год» (44,4%). Практически каждый девятый верующий посещает культовые сооружения «несколько раз в месяц» (11,6%). Процент респондентов, посещающих культовые сооружения «несколько раз в неделю» и «ежедневно» составил 2,2 и 0,8 соответственно. Анализ блока вопросов по религиозной практике доказывает «умеренную» религиозность жителей Северо-Казахстанской области. Процент практикующих верующих составляет с учётом погрешности 10-11% [7].

Полиэтническое и поликонфессиональное население республики образует живой организм, существующий и развивающийся только благодаря наличию в нем диалектических противоречий, которые должна учитывать государственная власть, чтобы мирно и своевременно их разрешать. Поскольку религиозные организации, по Конституции Казахстана, отделены от государства, то администрация области не вмешивается в их идеологию и культовую практику и не предписывает им формы и направления социально полезной деятельности. Однако она разрабатывает и предлагает им программу гармонизации этноконфессиональных отношений, отставляя за ними право принять/не принять либо внести в нее свои коррективы или предложить свой вариант.

В Республике Казахстан как светском государстве на законодательном уровне признано равенство прав всех религий, государство ориентирует верующих всех конфессий на доброжелательное отношение друг к другу. Но борьба за паству между различными религиями может привести к межконфессиональным конфликтам, поэтому администрацию города и области не может не беспокоить то обстоятельство, что в обществе, пронизанном социальными противоречиями, где межнациональные отношения всегда содержат потенциальную возможность обострения, могут возникнуть настроения нетерпимости и вражды на

религиозной почве. Поэтому так важно исследовать этноконфессиональную обстановку в республике, чтобы прогнозировать социально-политические события и строить научно обоснованную политику государства в этноконфессиональной сфере. Здесь важна воспитательная работа с населением посредством школ, средств массовой информации, государственных органов и даже религиозных организаций, чтобы разрешались, смягчались, снимались этноконфессиональные противоречия в зародыше и не доводились до пожара.

Позитивным моментом развития отношений с религиозными объединениями является передача ранее принадлежавших религиозным организациям культовых зданий. Например, мусульманам возвращено здание мечети, а католикам – костел.

Эти примеры свидетельствуют, что государственно-церковные отношения в СКО развиваются в соответствии с Законом «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях».

Сегодня ситуация в области такова, что для сохранения этноконфессиональной стабильности в регионе необходима координация усилий многих ведомств и общественных организаций. Местные органы власти должны внимательно относиться к нуждам и запросам различных этнических групп и верующих.

Общественное мнение, хотя и опосредованно, но существенно влияет на атмосферу религиозно-конфессиональных отношений. Здесь многое зависит от средств массовой информации, которые через материалы публикаций характеризуют казахстанское общество как поликонфессиональное, что способствует формированию атмосферы взаимного интереса, диалога и является необходимой предпосылкой стабильного развития.

Сегодня верующие сами имеют возможность выпускать газеты, журналы, книги. Например, в СКО выпускается журнал «Вера. Надежда. Любовь», основной задачей которого является просвещение верующих и пропаганда благотворительных акций в помощь нуждающимся. Религиозные объединения имеют собственные сайты — Центральная мечеть «Қызылжар», Петропавловская и Булаевская епархия, Римско-католический приход «Святая Троица», МПРО «Свидетели Иеговы».

Процессу сближения народов Казахстана способствует конструктивная национальная и религиозная политика Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Главное, в чем убеждаются люди: резких поворотов в национальной политике не предвидится, республика станет полноправным членом мирового сообщества лишь при условии сохранения мира, стабильности и духовной безопасности общества.

Список литературы:

1. Кропивницкий Н. Документы Центрального государственного архива Казахстана об эвакуации населения (1941-1943 гг.) // Эвакуация: Воскрешая прошлое. Материалы Международной научной конференции. – Алматы, 2009 С. 21 / Источник: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1604>.
2. Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. – Алматы: Казахстан, 1993. - 392 с.
3. Комитета по статистике МНЭ РК http://www.inform.kz/ru/chislennost-naseleniya-kazahstana-sostavlyayet-bolee-17-5-mln-chelovek_a2817915.
4. Конституция РК Астана. – 2007 г, 49 с.
5. Официальный сайт АНК <http://group-global.org/ru/content/20-letie-assamblei-naroda-kazahstana>.
6. Справка о религиозной ситуации в Северо-Казахстанской области за 1 квартал 2016 года http://udr.sko.gov.kz/page.php?page=statisticheskaja_informacija&lang=2
7. Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане: Монография. - Алматы: Экономика, 2006. - 416 с.
8. Шаов А.А. Этническая и религиозная идентичность: специфика взаимодействия / <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-i-religioznaya-identichnost-spetsifika-vzaimodeystviya#ixzz4NY2n95qT>.
9. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л., Гражданское общество в современной России Москва: Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2016.
10. Протоиерей Димитрий Лескин, Русский мир: историческая миссия // Журнал «Межконфессиональная миссия» 2016. №14. С. 6-13.
11. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 2 (92). С. 9-20.
12. Рябова Е.Л. Экономика и миграция // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 3 (69). С. 9-15.

Bibliography

1. Kropyvnytskyi N. Documents of Central State Archive of Kazakhstan evacuation (1941-1943.) // Evacuation: Resurrecting the past. Proceedings of the International Scientific Conference. - Almaty, 2009 p. 21 / Source: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1604>.
2. North-Kazakhstan region: page chronicle of its native land. - Almaty: Kazakhstan, 1993. - 392 p.
3. Statistics Committee NEM RK http://www.inform.kz/ru/chislennost-naseleniya-kazahstana-sostavlyayet-bolee-17-5-mln-chelovek_a2817915.
4. The Constitution of the Republic of Kazakhstan in Astana. – 2007. 49 p.
5. The official website of the ANC <http://group-global.org/ru/content/20-letie-assamblei-naroda-kazahstana>.
6. Information about the religious situation in the North Kazakhstan region for 1 quarter of 2016 http://udr.sko.gov.kz/page.php?page=statisticheskaja_informacija&lang=2.
7. Altynbekova O.B. Ethno-linguistic processes in Kazakhstan: Monograph. - Almaty: Economy, 2006. - 416 p.
8. Shaov A.A. Ethnic and religious identity: the specificity of the interaction / <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-i-religioznaya-identichnost-spetsifika-vzaimodeystviya#ixzz4NY2n95qT>.
9. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia Moscow: Monograph. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
10. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // "Interchurch Mission" 2016. № 14. P. 6-13.
11. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9-20.
12. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 3 (69). P. 9-15.

ФИЛОСОФИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

КУЛЬТУРА

PHILOSOPHY

SOCIOLOGY

CULTURE

Касаткин П.И.

Кандидат политических наук, начальник управления научной политики, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Ибрагимова К.А.

Ведущий эксперт Бюро ученого секретаря МГИМО, аспирантка кафедры интеграционных процессов, Европейский учебный институт при МГИМО МИД России.

Боброва М.В.

Студент магистратуры МГИМО МИД России.

**Воплощение ценностей американской гражданской религии в публичной риторике и политической практике
Дж. Буша мл. и Б. Обамы: сравнительный анализ**

4 июля 2015 г. в США в 239-й раз с единодушием и размахом отпраздновали День независимости. В Вашингтоне и в других городах состоялся традиционный парад с патриотическими демонстрациями и фейерверком. Города и дома были украшены американскими флагами и повсюду слышались патриотические песни. Американские семьи обычно в этот день устраивают пикник или барбекю на свежем воздухе и слушают традиционное обращение своего президента. Всё это можно рассматривать как своеобразное проявление элементов гражданской религии в современном американском обществе. Так ли это? Верят ли американцы в то, что их страна является богоизбранной и исключительной? И какую роль оказывает «гражданская религия» на институт президентства? Мы предполагаем, что гражданская религия в США играет важную роль как в деле легитимизации решений руководства страны, особенно имеющих внешнеполитический характер, так и в формировании ценностей американской нации. В этой связи представляется актуальным проанализировать феномен гражданской религии такой крупной державы, как США, выявить его базовые характеристики на современном этапе, изучить, как он воплощается в деятельности американских президентов (на примере Дж. Буша мл. и Б. Обамы).

Религия вообще, как отмечает в своей статье «О роли религиозных акторов в современных мировых политических процессах» П.И. Касаткин, способна формировать те процессы, совокупность которых может «существенным образом определить характер протекания мировых политических процессов» [2]. По этой причине представляется вполне обоснованным интерес научного сообщества к роли религии в

современном мире, к религиозным организациям как акторам мирополитических процессов [3; 4; 5], а также к тому, какое именно влияние оказывает религия в той или иной стране на политические решения её руководства, в особенности, если дело касается государств, способных осуществлять независимую политику и претендующих на региональное или глобальное доминирование. Однако элементы становления гражданской религии можно найти и в истории древних обществ, где религиозные представления сближались с идеологическими¹.

Тема современной американской гражданской религии и, в частности, того, как воплощаются её ценности в деятельности американских президентов в XXI в., нашла отражение в трудах Т. Фарра и У. Саундерса [17], Д. Дэвиса [16], А. Дэймона [15], С. Уолта [24], Л. Турека [22], К. Мори [19], А. Престона [20], Р.Т. Садуова [11], Е.В. Кубышкиной [7], Ж.Г. Коноваловой [6], О.Ю. Матвеевой [8] и других [13; 23; 12; 21; 18; 14].

Однако несмотря на существование значительного числа работ, освещающих различные аспекты феномена гражданской религии, по большей части написанных зарубежными авторами, в отечественной науке практически отсутствуют работы, в которых бы анализировался феномен американской гражданской религии в XXI в., проводился бы сравнительный анализ воплощения ценностей американской гражданской религии в публичной риторике и политической практике современных американских президентов – Дж. Буша мл. и Б. Обамы.

Тем не менее, для проведения такого исследования уже накоплен достаточный фактический материал.

Нами был проведён сравнительный анализ речей Дж. Буша мл. и Б. Обамы. Для исследования было выбрано 70 речей Дж. Буша мл., произнесённых им по различным поводам (обращения к нации, выступления на различных мероприятиях, комментарии для прессы) с 2001 по 2008 гг., и 70 речей Б. Обамы, также произнесённых по различным поводам во время первого и частично второго срока президентства в 2009 – 2015 гг. (полный список речей президентов доступен на официальном сайте президента США - <https://www.whitehouse.gov>).

Проведённый нами контент-анализ включал в себя поиск в выступлениях этих двух президентов определённых слов и выражений, связанных с американской гражданской религией. Они были разделены на три тематических блока:

1. Сакрально-религиозный – здесь проверялось наличие таких слов, как Бог, вера, провидение, Библия, завет, благословение;

1 Подробнее о трактовке понятия идеология см., например, Маслова Е.А. Эволюция представлений об идеологии в политической теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6(1). С. 315-319.

2. Национально-американский – анализировались понятия: Америка, американцы, нация, Конституция, Декларация независимости, отцы-основатели, американская история, американское правительство, американская мечта;

3. Ценностно-идеологический – в этот блок вошли такие слова, как свобода, справедливость, независимость, демократия, права человека.

Сакрально-религиозный компонент в выступлениях Дж. Буша мл. и Б. Обамы

Понятие «Бог» в семидесяти речах Дж. Буша мл. встречается 140 раз в следующих вариациях: *Бог, боги, Богом данные*. В 60 случаях слово «Бог» является составной частью выражений «*пусть Бог благословит вас*» или «*пусть Бог благословит Америку/Соединённые Штаты*», которыми нередко заканчивал свою речь не только Дж. Буш мл., но и многие другие американские президенты.

Другие варианты контекста его использования в речах Дж. Буша мл.: *Бог как создатель Вселенной, в которой существуют люди; мужчины и женщины созданы по образу и подобию Бога; миллионы американцев служат друг другу из любви к Богу; человек, забытый или игнорируемый окружающими, никогда не бывает забытым Богом; жизни людей принадлежат Богу, который заботится о них; у тиранов и диктаторов не бывает богов, кроме их самих, их пугает вера других людей в истинного Бога, поскольку они не в состоянии понять её. Тираны и диктаторы выступают против людей, избранных истинным Богом; мы молимся Богу, чтобы он подал знак, что по-прежнему пребывает с нами, однако знаки Бога – не те, что легко увидеть; мы просим Бога не оставлять без присмотра наш народ, даровать нам терпение и помочь решить все будущие проблемы; ничто происходящее не может нас лишить любви нашего Бога; террористы осмеливаются действовать от имени Бога, они просят его благословения, убивая невинных женщин и детей, однако Бог никогда не просил от них таких жертв; мир и слава, Бог и страна, – вот за что мы боремся; Бог всегда с нами; свобода – это не только подарок Америки всему миру, но и подарок Бога человечеству; Бог вложил в сердце каждого человека стремление жить свободным; мы должны исполнять волю Бога.*

Понятие *благословения* встречается в речах Дж. Буша мл. 101 раз. Он спрашивает благословения для себя, для американского народа, для конгрессменов, демократического правительства, для американских солдат, для всего человечества. Он напоминает американцам, что они живут в благословенной Богом стране, чтобы сделать лучше весь мир. Он спрашивает благословения Бога для своих предшественников, включая, например, Р. Рейгана и Д. Форда, уже умерших, за их вклад в

развитие американского государства.

Слово «Библия» упоминалось Дж. Бушем мл. всего трижды: два раза – в воспоминаниях о собственном религиозном опыте и один раз – как аргумент для участников ближневосточного конфликта, чтобы они предпочли жизнь смертям. Слово «завет» – дважды, как светское понятие и как религиозное – во втором случае сама американская история представляется как Новый завет всему остальному миру, завет того, как усиленно нужно работать, чтобы создать подобное Соединённым Штатам государство.

Понятие «Провидение» было использовано Дж. Бушем мл. трижды как эквивалент слову Бог, выражению «*божья воля*». В частности, он указывал на то, что *пути Провидения непредсказуемы, однако все они ведут к свободе*.

Слово «вера» оказалось представлено в речах Дж. Буша мл. достаточно широко, оно встречается в них 163 раза. Наиболее часто оно используется в сочетаниях: *вера в свободу; вера в права человека; вера в демократию; вера в Соединённые Штаты; вера в американский народ; вера в Бога; вера в справедливость; вера в американские традиции и мудрость отцов-основателей; вера в Конституцию; вера в особую американскую миссию в мире*.

Как видим, понятия религиозного характера в речи Дж. Буша мл. в абсолютном большинстве случаев относились к американской гражданской религии, а не к христианству, исповедуемому им и его семьей. Выясним, насколько это типично, для чего проанализируем выступления другого президента США – Б. Обамы.

Понятие «Бог» встречается в 70 речах Б. Обамы 166 раз, что вполне сопоставимо с опытом его предшественника. Составной частью выражений типа «*пусть Бог благословит вас/Америку/народ/...*» оно выступало 94 раза. Если исключить эти случаи из общего списка, то окажется, что апелляции Б. Обамы к Богу встречаются в следующем контексте: *Бог взывает к нам, чтобы мы выполнили своё предназначение; Бог дарует нам свою милость, чтобы мы заботились о его величайшем даре свободы и сохранили его для следующих поколений; не существует Бога, который одобрял бы убийство невинного человека; в цитате слов Аврелия Августина, рекомендовавшего молиться так, словно всё зависит от Бога, и работать так, словно всё зависит от тебя; мы осуществляем своё высшее предназначение как любимые дети нашего Бога; после всех наших испытаний и страданий Бог сделал нас сильными; экстремисты в Афганистане – не первые, кто убивает во имя Бога, до них были крестовые походы; милость Бога оставила наших людей на Гаити в прошлом месяце; все мы являемся детьми великолепного и любящего Бога; Авраам Линкольн видел в глазах солдат-конфедератов образ Бога; до самого конца мы останемся нацией под Богом; все мы молимся и слу-*

жим одному и тому же Богу; мы все призваны трудиться с верой в Бога.

В целом, в выступлениях Б. Обамы в большей степени, чем в выступлениях Дж. Буша мл., заметен такой аспект отношения к Богу, как молитва – к которой Б. Обама регулярно призывал американский народ. При этом его Бог - это также не христианский Бог, а Бог американской гражданской религии, покровительствующий верующим в него американцам, чтобы они исполнили его предназначение.

Понятие «*благословение*» встречается в речах Б. Обамы 114 раз и, как и Дж. Бушем мл., в основном испрашивается для Соединённых Штатов и американского народа.

Упоминания о Библии зафиксированы в речах Б. Обамы всего два раза, о завете – десять раз. Слово «*Провидение*» он использовал всего дважды, однако слово «*вера*» - 183 раза. У Б. Обамы понятие «*вера*» упоминалось в сочетаниях: *вера в идеалы отцов-основателей; вера в то, что американский народ может стать сильнее; вера как оправдание насилия, используемое тиранами и террористами; борьба с врагами как активное проявление веры; мотивирующая вера, заставляющая заботиться об общем благе; вера в американские войска; вера друг в друга; вера в будущее; вера, вдохновляющая на перемены; фундаментальная вера в человеческий прогресс; фундаментальная американская вера, озаряющая ее движение вперед; вера в государственные институты; вера, способная сдвинуть горы; вера в свободную торговлю; вера в граждан США.*

Как видим, использование Б. Обамой слова «*вера*» отличается куда большим разнообразием, чем у его предшественника. Он не говорил о вере в американского Бога, но многословно высказывался о вере в различные его проявления, связанные с ценностями США.

Национально-американский компонент в выступлениях Дж. Буша мл. и Б. Обамы

В 70 речах Дж. Буша мл. понятие «*отцы-основатели*» встречается семь раз. Он утверждал, что с 11 сентября 2001 г. американцы стали той нацией, которую и хотели видеть отцы-основатели американского государства. *Отцы-основатели создали государство, которое должно было защищать права каждого человека и предоставлять каждому человеку все возможности. Отцы-основатели провозгласили новый порядок на века, и долг американцев верить в мудрость своих отцов-основателей и в тот смысл, который был ими заложен в Конституцию. Отцы-основатели заложили основы для существования великой нации, развивающейся на принципах свободы, стремление к которой есть в сердце каждого человека. Отцам-основателям Америка обязана и своей независимостью.*

Если посчитать упоминания *Декларации независимости США* в

речах Дж. Буша мл., то таких наберется всего два, и этот документ в них рассматривается как *акт провозглашения свободы для молодой страны, о котором должен был узнать весь мир*. Упоминаний американской Конституции заметно больше – 17. Конституция представляется Дж. Бушу мл. *воплощением национальной мудрости, возлагающим, однако, на американских государственных деятелей и ответственность*.

Из ценностей американской гражданской религии национального характера можно назвать также следующие:

- *американская история* (упоминается трижды, представляется как история восторженных и ошибающихся людей, объединяющая поколения, благодаря преемственности идеалов, а американские президенты всемерно содействуют ее триумфу);

- *американская мечта* (упоминается трижды, сохраняет свою актуальность как мечта – по Дж. Бушу мл. – *о собственном доме и экономическом благосостоянии*);

- *американское правительство* (упоминается пять раз, представляется как *сила, способная оказать давление на тиранические режимы и террористов, выступающая за мир на Ближнем Востоке, поддерживающая своих союзников по всему миру*);

- *американские граждане или американцы* (упоминаются 433 раза, представляются как *сильная, щедрая, благородная, свободолюбивая нация, испытывающая гордость за свою страну, способная помочь другим народам в их стремлении обрести свободу*).

В выступлениях Б. Обамы понятие «*отцы-основатели*» встречается девять раз. Им ставится в заслугу *отделение церкви от государства, их мечты оставались мечтами всех последующих поколений американцев*, однако в большинстве случаев Б. Обама вспоминает о них как о *людях, которые будучи верующими людьми, тем не менее, выступали за свободу исповедания всех религий в США*. По сравнению с Дж. Бушем мл., Б. Обама высказывается об их роли довольно кратко и в гораздо менее восторженных тонах.

Декларация независимости вспоминается Б. Обамой всего дважды и лишь как одно из названий в списке важных документов. Американская Конституция упоминается 21 раз, Б. Обама указывает на то, что *изучал Конституцию как студент и рассказывал о ней как преподаватель, принес клятву защищать ее как государственный служащий и как гражданин. Конституция просуществовала не десятилетия, а столетия, прошла испытания мировыми войнами и холодной войной, поскольку содержит базовые принципы сугубо прагматичного характера*. Главной идеей Конституции, по мнению Б. Обамы, является провозглашение того, что *все люди родились равными вне зависимости от того,*

кто они и как выглядят, что они все защищены законом, и что те, кто разделяют эти ценности, заслуживают одинакового обращения. Американцы могут высказывать разные политические взгляды, но они все верят в права и свободы человека, провозглашенные Конституцией.

Как и в ситуации с выступлениями Дж. Буша мл., рассмотрим, как отразились в речах Б. Обамы другие ценности американской гражданской религии национального характера:

- *американская история* (упоминается 9 раз, в основном, в качестве синонима понятию «история США», без какой-либо ее оценки);

- *американская мечта* (упоминается значительно чаще, чем в выступлениях Дж. Буша мл. – 23 раза. Б. Обама выступал за возрождение идеи американской мечты, какой ее видели отцы-основатели, за уничтожение всех преград на пути воплощения американскими гражданами американской мечты. Он считал, что американская мечта – это не национальное, но универсальное понятие, к которому стремятся многие другие народы. Американская мечта, по его мнению, является движущей силой истории и подразумевает преодоление многочисленных трудностей. Она занимает центральное место в истории США, и долг американцев – передавать американскую мечту следующим поколениям);

- *американское правительство* (в такой формулировке не упоминается вовсе, просто понятие «правительство» встречается достаточно часто в изложении путей решения различных вопросов экономического и политического характера);

- *американские граждане или американцы* (упоминаются 696 раз – почти на треть больше, чем у Дж. Буша мл. Б. Обама рассуждал об ожиданиях американских граждан и их надеждах, о том, что они ждут перемен и ранее демонстрировали феноменальное терпение и выдержку. Сквозной темой было ожидание американскими гражданами ответственной работы от президента и от всех государственных служащих, в основном, по решению экономических проблем).

Ценностно-идеологический компонент в выступлениях Дж. Буша мл. и Б.Обамы

Базовой ценностью идеологического характера, существующей в американской гражданской религии, является *идея свободы*. Слово «свобода» упоминалось в 70 речах Дж. Буша мл. 435 раз. Террористические акты 11 сентября 2001 г. были, по его мнению, посягательством на свободу. *Американские граждане считают идеал свободы главным идеалом и стремятся распространить его на весь мир. Современные тираны ограничивают свободу своих граждан, а потому должны быть смещены и наказаны. Именно свобода стала тем концептом, вокруг которого*

была выстроена публичная риторика Дж. Буша мл.

Второе понятие рассматриваемого компонента – *независимость*. Оно использовалось всего 26 раз. Дж. Буш мл. утверждал, что *независимость не должна быть привилегией меньшинства, если речь идет об американцах. С другой стороны, независимость как синоним к слову «суверенитет» не работает, если дело касается свержения тиранической власти – такая власть независимой быть не может.*

Третье понятие – *справедливость*. Дж. Буш мл. обращался к нему 116 раз, имея в виду и *справедливость вообще для граждан как общечеловеческую ценность, и справедливость при ведении судопроизводства. Война США на Ближнем Востоке стала, по его мнению, справедливой войной и возмездием за террористические атаки. Установление справедливости важно для поддержания устойчивого мира.*

Четвертое понятие – *демократия*. Было использовано в общей сложности 162 раза как *ценность, универсальная для всего мира*. Дж. Буш мл. считал демократию путем к прогрессу любой нации, основанным на *универсальной свободе*. Долг Соединённых Штатов – *экспортировать демократию, устанавливая и поддерживая её в государствах всего мира. Демократия позволяет не только проводить выборы, но и улучшить качество жизни каждого человека, это величайшая, по мнению Дж. Буша мл., альтернатива репрессиям и радикальным взглядам. Именно демократию стремятся уничтожить террористы на Ближнем Востоке, однако они в итоге проиграют свою войну.*

Пятое понятие – *права человека*. Дж. Буш мл. использовал его 36 раз, требуя от всего мира уважать базовые права человека. Он считал *уважение прав человека необходимым для мира и согласия и обвинял ряд режимов в нарушении прав человека. Борьба с терроризмом, по его мнению, была неотделима от борьбы за соблюдение прав человека во всех странах мира.*

В отличие от выступлений Дж. Буша мл., понятие «свобода» не было центральным компонентом публичной риторики Б. Обамы – в его выступлениях оно встречалось всего 75 раз, что почти в шесть раз меньше. Свобода для Б. Обамы – это *большая ценность для американского народа, который во всех войнах боролся именно за свободу и заплатил за нее высокую цену*. Чаще всего он использовал это слово в словосочетании «*индивидуальная свобода*», не забывая указывать и её обратную сторону – *личную ответственность*. Свобода, по мнению Б. Обамы, – это то, что позволяет демократии процветать.

Понятие «*независимость*» использовалось им 13 раз, в основном, либо как понятие из названия документа («*Декларация независимости*»), либо в рассуждениях об энергетической независимости. Б. Обама считал, что *многие народы Ближнего Востока заслужили свою независи-*

мость еще много лет назад, и Соединённые Штаты готовы помочь им её в итоге обрести.

Понятие «справедливость» в 70 речах Б. Обамы упоминалось 78 раз, тоже меньше, чем у Дж. Буша мл. Б. Обама рассуждал о *справедливости для всех людей, которой можно добиться путем принятия продуманных и актуальных законов. Социальная справедливость является, на его взгляд, фундаментальным принципом американского государства. Справедливость – это еще и возмездие тем, кто причинил вред американским гражданам.*

К понятию «демократия» Б. Обама обращался в общей сложности 83 раза, в два раза реже, чем Дж. Буш мл. Б. Обама говорил о *демократии без границ, не зависящей от расы, национальной принадлежности, религиозных и политических взглядов. Он видел долг каждого американца способствовать распространению демократии всюду, где только возможно. Поддержание же демократии в самих США Б. Обама считает сложным делом – из-за большой численности населения страны – но одновременно и вполне реализуемым. Именно демократия помогает американской нации развиваться и быть сильной в меняющемся мире.*

Наконец, *права человека* упоминались Б. Обамой всего 19 раз как ценность, которая нуждается в постоянной защите, поскольку её отсутствие ставит под угрозу мир и безопасность в стране. Б. Обама считает своим достижением *решение о закрытии тюрьмы в Гуантанамо, где права человека регулярно нарушались американскими надзирателями. И выступает за поддержку прав человека во всём мире не американцами единолично, а всем международным сообществом.*

В целом, можно сделать вывод о том, что и Дж. Буш мл., и Б. Обама, уделяли существенное внимание ценностям американской гражданской религии в своей публичной риторике. Они оба постоянно апеллировали к Богу, считая его покровителем Соединённых Штатов, всего американского народа, возложившим на него особую миссию по распространению идеалов свободы и демократии во всём мире. Они оба выступали как пророки американской гражданской религии, вспоминая и предыдущих пророков – отцов-основателей США. Для обоих президентов американская исключительность была непреложным фактом, американское лидерство в мире – неоспоримой данностью, а вмешательство в дела других государств – полностью оправданным проявлением американской внешней политики, поскольку абсолютным суверенитетом обладают в мире только сами Соединённые Штаты.

И Дж. Буш мл., и Б. Обама продолжили традицию выступлений перед американским народом в качестве пророков американской гражданской религии, что проявлялось в их убежденности, что они могут и имеют право объяснять американскому народу волю Бога; в их представлении

отцов-основателей американского государства как пророков, объединивших божественные ценности и идеалы для будущих поколений; в их ритуальных обращениях к Богу с мольбой благословить американский народ, благословить Соединённые Штаты. Используемый нами метод может быть использован при проведении анализа речей лидеров других стран.

Bibliography

1. Ibragimov K.A. The ideology of the Iranian society era of the Achaemenid empire // Electronic scientific editions of Almanac Space and Time. 2013. Vol. 2. Part 2: Space and time of the Caspian Dialogue. Fixed network address: 2227-9490e-aprov_r_e-ast4-2-2.2013.12.
2. Kasatkin P.I. On the role of religious actors in the current global political processes // Herald of the MGIMO-University. 2010. № 1 (10). P. 257-261.
3. Kasatkin P.I. Russian Orthodox Church as an actor of world politics // Bulletin of the MGIMO-University. 2010. № 6 (15). P. 141-151.
4. Kasatkin P.I. Russian Orthodox Church in the post// Regional Studies. 2010. № 2. P. 57-68.
5. Kasatkin P.I. The values and priorities of the Russian Orthodox Church in the international arena // Bulletin of Moscow University. Episode 12: Political science. 2012. № 3. P. 68-72.
6. Konovalova J.G. "The American Dream" in the artistic and documentary literature USA second half of the XX century: Diss. ... Cand. Phil. sc. Kazan, 2009. 213 p.
7. Kubishkina E.V. American political discourse at George. W. Bush Jr. : evolution metaphor // Polis. 2012. №1. P. 100-112.
8. Maslov E.A. Evolution of concepts of ideology in political theory // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2011. № 6 (1). P. 315-319.
9. Matveeva O. "The American Dream" in the socio-cultural dynamics // Vestnik of Tomsk State Pedagogical University. №11. 2007, P. 40-43.
10. The official website of the US President - <https://www.whitehouse.gov>.
11. Saduov R.T. The phenomenon of the political discourse of Barack H. Obama: linguocultural and semiotic analysis: monograph. Ufa: RIP Bashkir State University, 2012. 136 p.
12. Aikman D.A. Man of Faith: The Spiritual Journey of George W. Bush. Nashville, TN: W Publishing Group, 2004. 174 p.
13. Berggren D., Rae N. Jimmy Carter and George W. Bush: Faith, Foreign Policy, and an Evangelical Presidential Style // Presidential Studies Quarterly, Vol. 36. №4. December, 2006. P. 606-632.
14. Bruni F. Ambling into History: the Unlikely Odyssey of George W. Bush. New York: HarperCollins, 2002. 260 p.
15. Damon A. The Human Rights Disaster in America // Global Research.: <http://www.globalresearch.ca/the-human-rights-disaster-in-america/5431598>.
16. Davis D. Competing Notions of Law in American Civil Religion // Law Text Culture. №5. 2000. 16 p.
17. Farr T. Saunders W. The Bush Administration and America's International Religious Freedom Policy // The Harvard Journal of Law and Public Policy. Vol. 32. №3. June, 2009. P. 949-970.
18. Mansfield S. The Faith of George W. Bush. New York: Penguin, 2003. 136 p.
19. Mori K. 9/11 and the «American Civil Religion» Today // Journal of Japanese Society of American Studies. Vol. 38. 2004. P. 3-18.
20. Preston A. God, Bush, and Obama: Why the President Needs to Practice What He Preaches? // Foreign Affairs.: <http://www.foreignaffairs.com/articles/137379/andrew-preston/god-bush-and-obama>.
21. Smith G. Faith and the Presidency: From George Washington to George W. Bush. New York: Oxford University Press, 2006. 398 p.
22. Turek L. Religious Rhetoric and the Evolution of George W. Bush's Political Philosophy // Journal of American Studies. Vol. 48. November 2014. P. 975-998.
23. Wallis J. Dangerous Religion: George W. Bush's Theology of Empire // Sojourners. September-October, 2003. P. 20-26.
24. Walt S. Democracy, Freedom, and Apple Pie Aren't a Foreign Policy // Foreign Policy.: <http://foreignpolicy.com/2014/07/01/democracy-freedom-and-apple-pie-arent-a-foreign-policy>.

Климович А.П.*Аспирант Липецкого государственного технического университета.*

Когнитивизм в этике. Объективистский подход

Представление о том, что носителем этики является субъект и именно он определяет моральные ценности, которые не существуют сами по себе (помимо субъекта), устраивает далеко не всех этиков-когнитивистов. В основе альтернативной программы положено мнение, что морально не то, что человек определил как моральное, а то, что уже само по себе является моральным, а человек лишь открывает это свойство для себя, отличая моральное от аморального. По мнению сторонников такого подхода, человек считает нечто этически верным потому, что оно этически верно, а не наоборот, оно этически верно потому, что он считает, что оно этически верно. [1. с. 74]

Интуиция того, что мораль определяется не субъектом, но лишь только осознается им, дает начало еще одному подходу, называемому объективизмом. В общем, объективистская программа опирается на представление о том, что мораль происходит не на базе структуры субъекта и его индивидуальных свойств, но задействует структуры более высокого порядка, где отражаются трансперсональные, интерсубъективные свойства. Уже сама по себе структура субъекта содержит некоторые инварианты, свойственные не отдельному индивиду, а присущие субъекту как культурному феномену. Мораль, по мнению сторонников объективизма, имеет отношение как раз к этому универсальному трансперсональному общекультурному базису, и не может быть сведена к частным основаниям субъективизма. В рамках объективистского подхода принято различать целый ряд направлений, главные из которых: конструктивизм, реализм, натурализм.

1. Конструктивизм

Конструктивизм исходит из положения: нормативные высказывания не сводятся к субъективным интересам, их объективность берет начало во всеобщей когнитивной, прагматической и социальной условности моральных утверждений и действий. Другими словами, этическое долженствование не независимо от субъективного желания. Несмотря на то что рациональное субъективное желание может влиять на фактическое выполнение этической нормы, оно не влияет на форму этического закона, поэтому выпадает из области определения морального. Желание индивида может стать препятствием выполнения эти-

ческой нормы, но оно не может изменить истинности того или иного предписания. В свою очередь, моральное должествование, по мнению конструктивистов, должно иметь такую форму, которая не должна противоречить базовой структуре рационального субъекта, то есть не должна восприниматься им как противоречие. Этическое требование, сформулированное таким образом, не может быть опровергнуто рациональным субъектом, так как не противоречит его базовой рациональной структуре. (Идея последнего основания. [2. с. 56]) Этику, ставящую в центр внимания внутреннюю непротиворечивость и согласованность с принципами человеческого разума, можно назвать этикой разума. Основателем такого подхода был великий немецкий философ И. Кант.

В основе нравственности, по мнению Канта, лежит воля, как способность к свободному действию. Но не всякая воля является свободной. Эмпирически продиктованная воля, служащая для достижения какой-либо цели, не является свободной волей, так как она детерминирована внешней причиной. Немецкий ученый вводит очень важное для понимания его философии понятие практического разума. Наряду с чистым теоретическим разумом, цель которого познание мира, практический чистый разум осуществляет действие в этом мире. Его действие не основано на причинах, лежащих во внешнем мире, оно не детерминировано обстоятельствами и имеет причину лишь в самом практическом разуме. Практический разум действует независимо, он является целью для самого себя. Он потому и называется практическим, что может что-то изменить, не подчиняясь каузальным связям внешнего мира. Идея практического разума непосредственно связана с идеей человеческой свободы. В своих работах Кант соединяет понятие «практического разума» с понятием «нравственности». Моральный поступок совершается на основании проявления доброй воли, воли, происходящей от практического разума, независимой от эмпирических оснований. Поэтому моральные суждения априорны, независимы от любого опыта. Можно сказать, что, по Канту, практический разум является внеопытным, интерсубъективным, вневременным, интеркультурным инвариантом. Вне зависимости от деятельности, персоны, времени и места мораль будет в своей фундаментальной основе всегда действовать одинаково.

Инвариантная природа морали должна быть представлена не иначе как в форме универсального нравственного закона, поискам которого как раз и посвящена вторая критика Канта. По мнению её автора, практический разум сам для себя самопроизвольно, на основе своего свободного выбора, устанавливает закон. Этот закон, как уже говорилось выше, сверхперсональный, основывающийся на природе субъекта как такового, является априорным. Рассуждая о форме закона, философ

замечает, что, с одной стороны, закон не должен зависеть от материальных оснований и потребностей субъекта, так как в этом случае не будет объективным. С другой стороны, так как последствия действия возможно познать только через опыт, этот закон не может быть познан вне опыта. [3. с. 82] Поэтому этот закон должен быть выражен как самому себе данное содержание практического разума, и заключается он в установлении критерия действия. Одновременно критерий, указанный в нравственном законе, не должен противоречить универсальной природе рационального субъекта. В совокупности этот критерий и определяет действие как моральное. В итоге Кант пришел к форме закона, широко известного под названием «категорического императива»: «Действуй так, как если бы максима твоего поступка могла стать формой всеобщего законодательства». Высказанный таким образом закон, по мнению Канта, является категорическим (не основанным на эмпирических причинах) и соответствует природе рационального субъекта, совпадает со стремлением его «доброй воли» (*gute Wille*). Это не обозначает, что этот закон не вступает в противоречие с волей человека вообще. Напротив, моральный закон зачастую действует против воли человеческих желаний. Возникает напряжение между голосом совести (практическим разумом) и чувственными потребностями индивида, которое переживается им как этическое долженствование. Важно отметить, что моральный закон, выступая с требованием нравственного долга, по сути, исходит из того, что субъект имеет возможность выполнить требование закона. Таким образом, структура закона опирается на интуицию, что должное подразумевается возможным.

Несколько другой подход к обоснованию моральных суждений использует еще один известный представитель этического конструктивизма, Карл-Отто Апель (1922). Наряду с Кантом Апель выбирает интерсубъективное обоснование и универсальное действие морального долженствования в качестве центральной темы исследования. [4. с. 332] В основу его подхода положено понятие аргументативного дискурса. Апель исходит из положения, что обоснование (перед другим) возможно в коммуникативном акте. Задачей исследования ученый видит выявление специфики этического обоснования, а именно обоснования этики посредством коммуникативного акта.

Как было показано ранее, у Канта нравственный закон не опровергается индивидуумом, потому как соответствует универсальной природе рационального субъекта. Апель исходит не от условия логической непротиворечивости морального закона, как у Канта, а опирается на тот факт, что попытка опровержения морального закона сама наталкивается на собственную противоречивость. Противоречие, которое воз-

никает в такой ситуации, является не логическим, а перформативным противоречием. То есть парадокс возникает не между двумя взаимоисключающими частями высказывания, а между содержательной частью высказывания и действием, которым является сам акт высказывания. Для того чтобы лучше понять схему рассуждения Апеля, необходимо вспомнить некоторые положения теории речевых актов Джона Ленгшо Остина и Джона Роджерса Серла.

Напомним, что Остин и Серл предложили несколько поменять представления об онтологическом статусе нашего языка. По их замыслу, речевые высказывания стоит воспринимать не просто как синтаксическую структуру, но понимать как акты действия. Любая предложение высказывается кем-то, и этот факт всегда подразумевается как контекст высказывания, так называемая пресуппозиция. При таком осознании структуры языка, ученые обнаружили существование двух принципиально различных видов противоречивых высказываний. Первое - привычное логическое противоречие, когда одна часть высказывания исключает истинность другой части (Вова не любит помидоры. Вова любит помидоры). Второе противоречие называется перформативным и содержит в себе противоречие между самим высказыванием и пресуппозицией. Например, высказывание «Я ничего не говорю» несет в себе перформативное противоречие. Если принять значение этой фразы за истинное, то я бы ничего не должен был говорить, но это противоречит самому акту действия - моему высказыванию фразы. [5. с. 116]

Рассматривая проблему обоснования морали, Апель моделирует ситуацию, в которой происходит обоснование как аргументативный дискурс, то есть как процесс обмена речевыми актами на основе принципа рациональной аргументации. В этом контексте тот, кто опирается на практику обоснования по умолчанию, принимает её фактическую действенность. Можно сказать, что уже само начало нравственной дискуссии доказывает принципиальную возможность действительности аргументации в обосновании морали. Если бы это было не так, не было бы смысла совершать попытки рационального обоснования этических норм. Человек, отрицающий действенность аргументативного метода, так или иначе сам вынужден использовать аргументы, в связи с чем попадает в перформативное противоречие, так как действием (языковым актом) опровергает доказываемое, подобно человеку, делающему высказывание «я ничего не говорю». Далее с помощью фигуры перформативного противоречия Апель стремится показать, что любой субъект, который пытается рационально обосновать этическую позицию, должен принимать во внимание пресуппозицию иначе, выходя за рамки аргументативного доказательства, и потому неизбежно

приходит к перформативному парадоксу. Коммуницирующие феномены уже изначально полагаются на некоторый контекст, который предполагает, что обсуждаемая проблема может быть решена. Без этой «утопической» составляющей любой рациональный диалог попросту не имел бы смысла.

В целом, программа аргументативного дискурса могла бы напомнить субъективистскую программу утилитаризма, основанную на теории игр, но принципиальная разница состоит в том, что обоснование, по Апелю, направлено на поиск правды, а не на поиск консенсуса! В аргументативном дискурсе сила всякого принуждения, внутреннего и внешнего, должна быть исключена (подобно кантианской воле желаний), вместо этого действует принуждение лучшего аргумента (эквивалент у Канта - моральный долг).

2. Реализм

Несколько по-другому к проблеме обоснования морали подходят сторонники другой программы, которая носит название реализма. Реализм можно назвать более жесткой формой объективизма. Он исходит из предпосылок существования некоторой объективной реальности. Нормативные высказывания, как и в случае с конструктивистской программой, не сводятся к субъективным интересам, но их объективность соотносится с существующей за пределами субъекта действительностью. Другими словами, данное направление этики можно назвать «моральным реализмом».

Такое положение позволяет утверждать, что определение реалистической программы может выглядеть следующим образом: нормативное высказывание верно тогда, когда оно соотносится с конкретными фактами, существующими в окружающем мире. По мнению этических реалистов, в основе морали лежит онтологический фундамент, они исходят из положения, что мораль существует независимо от наших субъективных мнений. В такой перспективе суждения о справедливости и бесчестии считаются истинными тогда, когда они корректно соотносятся с окружающим внешним миром, то есть описывают реальное положение вещей. Наиболее яркими представителями морального реализма считаются Франц Brentano, Николай Гартман, Макс Шеллер.

Общим для реалистического подхода является то, что проблема восприятия ставится в качестве центрального вопроса этики. Также реалистам в ходе изучения моральных принципов представляется центральной роль эмоций. Несмотря на сходство общих подходов отдельных представителей, все же обнаруживаются специфические моменты, свойственные разным авторам.

Так, характерным для Brentano оказывается рассмотрение понятия истины не как принятия некоторой эмпирической независимой реальности, а как априорного свидетельства. Описывая ситуацию, когда человек делает нравственную оценку, Brentano утверждает о существовании у человека внутреннего чувства, которое непосредственно обнаруживается в отдельных актах переживания жизни, ненависти, предпочтения. По мнению Brentano, это внутреннее чувство является непогрешимым. [5. с. 82]

В отличие от Brentano, Шеллер и Гартман не постулируют особый характер ценностных переживаний, а, напротив, сопоставляют их с ценностными свойствами объектов, на которые направлено оценочное чувство. Так, например, у Шеллера мы находим выражение о том, что истинные ценностные признаки действительно существуют и представляют свой собственный тип объектов. [6. с. 37] Гартман утверждает, что ценности есть некоторый способ бытия, который подобен Платоновским идеям. [7. с. 108]

3. Натурализм

Без упоминания еще одного направления, носящего название натурализм, рассмотрение объективистского подхода в этике когнитивизма было бы неполным. Натурализм можно отнести к наиболее радикальному направлению когнитивистской этики. Идея этого подхода состоит в том, что обоснование моральных высказываний осуществляется с помощью методов, выходящих за рамки моральной проблематики. Таким образом, представители этого направления исходят из того, что этическое может быть редуцировано к неэтическому. Перед этиками-натуралистами встает центральная задача обоснования такой редукции. На этом пути, естественно, научное знание предстает в качестве наиболее вероятного кандидата, к основанию которого может быть сведена этическая проблематика. Выгоды такого подхода очевидны. Во-первых, не требуется специальная эпистемология для этического знания. Всецело опираясь на естествознание, мораль не требует дополнительного, специального обоснования, выходящего за рамки классической гносеологии. Во-вторых, элегантно решается проблема этической мотивации. Моральный долг задается той основой, к которой в конечном итоге сводится нравственная проблематика.

Суть программы натурализма можно свести к следующему определению: нормативное высказывание истинно и обоснованно тогда, когда оно соответствует научному эмпирически доказанному утверждению. Наиболее распространенным представителем натуралистской программы является эволюционизм.

В основу этического эволюционизма положена теория эволюционного развития Ч. Дарвина. Как известно, основная идея этой теории заключается в том, что жизнь представляется как борьба индивидов за выживание и основана на приспособлении к окружающей среде. Как утверждают сторонники этого направления этики, моральные законы есть не что иное, как результат эволюционного развития. Нравственное поведение является ничем иным, как результатом естественного отбора в процессе конкуренции живых существ. По мнению этиков-эволюционистов, моральные законы потому хороши, что способствуют распространению вида. В частности, человеческий альтруизм представляется ими в качестве приобретенного в процессе эволюции полезного признака. У одного из значительных представителей эволюционизма, английского биолога Ричарда Докинза, мы встречаем мысль о том, что альтруистическое поведение, особенно направленное на своих сородичей, приводит к повышению распространения и улучшения генома. [8. с. 47]. Взаимный альтруизм, приводящий к кооперации, видится им как наиболее выгодная эволюционная стратегия.

Стоит отметить, что эволюционисты, давая объяснение генезиса морали, наряду с биологической принимают во внимание общественную и культурологическую эволюцию. При этом стандартная эволюционная теория дополняется новым масштабом аналитики, вводя новые понятия социальной биологии. Однако социально-дарвинистская биология базируется всё на тех же принципах эволюции, которые составляют основу эволюции видов: право сильного, борьба за выживание, принцип отбора. Как можно догадаться, эволюционная этика сталкивается с рядом вопросов. Одна из основных проблем связана с дилеммой свободы. С одной стороны, человек в соответствии с естественнонаучной точкой зрения детерминирован своим геномом, что задает его действия с неотвратимой однозначностью. С другой стороны, мораль основывается на свободе выбора, иначе нет смысла говорить об ответственности. Но вне контекста ответственности мораль сама по себе становится ненужной, избыточной условностью. Еще одна проблема связана с законом Юма. Даже притом, что этические нормы могут получить какое-то объяснение с точки зрения существования жизни, это еще не объясняет их моральный статус. Утверждение, что «А» есть, не доказывает что «А» хорошо.

В конечном итоге можно сделать заключение, что теория эволюции, на первый взгляд, выглядящая как программа, способная решить центральные проблемы этики, в результате оказывается малополезной в решении фундаментальных моральных вопросов.

Bibliography

1. M.Quante. Einführung in die allgemeine Ethik. 5 Aufgabe 2013 ISBN 978-3-534-00658-8.
2. Kuhlmann, Wolfgang: Reflexive Letztbegründung, Freiburg: Alber 1985.
3. Apel, Karl-Otto: Diskursethik als Verantwortungsethik- eine postmetaphysische Transformation der Ethik Kants, Frankfurt am Main: Suhrkamp 1996.
4. Apel, Karl-Otto: Fallibilismus, Konsenstheorie der Wahrheit und Letztbegründung, Frankfurt am Mein: Suhrkamp 1987.
5. Brentano, Franz: Vom Ursprung sittlicher Erkenntnis, Hamburg: Meiner 1969.
6. Scheler, Max: Der Formalismus in der Ethik, München: Francke 1980.
7. Hartmann, Nicolai: Ethik, Berlin/Leipzig: de Gruyter & Co. 1926.
8. Richard Dawkins: The Selfish Gene, Translator: N.Fomina, World 1993 ISBN 5-03-002531-6.
9. Shuplenkov O.V. Cossack self-government – a positive experience of Center and Regions' consensus // Almanac Cossacks 2016. №20. P. 40-50.
10. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia. Moscow: Monograph. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
11. Bredihin A.V. Donetsk-Makeevka agglomeration: the development of cross-border cooperation // Almanac Cossacks 2016. №19. P. 12-17.
12. Beysenbin K.A., Letunovskiy P.V. The Problems of Improvement of State National Policy in the Post-Soviet Russia // Etnosotsium and international culture. 2016. № 5 (95). P. 9-14.
13. Dzutsev K.V. Ethnosociological portrait of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation. M. ROSSPEN 2012.
14. Bormotova T.M. Effect of educational migration on the national question in the Russian Federation // Etnosotsium and international culture. 2011. № 7 (39). P. 34-38.
15. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9-20.
16. Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Fundamentals of Cossack culture: schoolbook. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
17. Ryabova E.L. (Review) Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia In XXI century: a national response to the national question. M.: Etnosotsium, 2015. // Etnosotsium and international culture. 2015. №10 (88). – P. 175-179.
18. Markaryan V.R., Smirnova M.I. Ethnicity and ethnic identity in modern science // Etnosotsium and international culture. 2016. № 4 (82). P. 81-87. 19.
19. Kostukov A.L. Peculiarities of Russian educational services export // Almanac Cossacks 2016. №20. P. 51-65.
20. Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Cossacks of South Russia: Past and Present: schoolbook. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2011.
21. Ryabova E.L. Russian Economy: pair cosmopolitan and national problems // M.: International Publishing Center Etnosotsium. № 1, 2014. (67). P. 9-11.
22. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 2 (68). P. 9-15.
23. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 3 (69). P. 9-15.
24. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // "Interchurch Mission" 2016. №14. P. 6-13.
25. Bredihin A.V. Donetsk-Makeevka agglomeration: the development of cross-border cooperation // Almanac Cossacks 2016. №19. P. 12-17.
26. Ternovaya L.O., Bagaeva A.V. Legal basis for European integration. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics through the Prism of Historical Comparisons: the First Postwar Year and 70 Years Ago / Etnosotsium and international culture. 2016. №4 (94). P. 9-16.

Афанасьев С.Г.

*Кандидат философских наук, докторант МГУ им. Ломоносова,
Факультет философии кафедры эстетики, Председатель Совета Международного
Союза общественных объединений «Перспективный мир» (программы ООН и ЮНЕСКО).*

Концепция идентификации и теория эмпатии

Современная педагогика включает в себя целый комплекс задач, которые не только, так сказать, “заходят на суверенную территорию” других наук, но и взаимно дополняют друг друга. На современном этапе педагогика “дружит” не только с психологией, педиатрией, психиатрией и другими давними “подружками”, но и с – триалектикой, сублимационной герменевтикой, просфатологией (наука об информации) и другими “новыми науками”.

С философией у педагогики многовековая (а то и тысячелетняя) дружба. Сейчас педагогика интересуется аспектами онтологии и “философии рефлексии”, этикой и “философией меллоновых систем”. И конечно, одной из трех составных частей философии – эстетикой. Причем, при изучении эстетических аспектов, современные ученые опираются на **теорию эмпатии**, в различных ее проявлениях.

В аспекте “обучения детей искусству”, а также творческого самовыражения, самоактуализации и духовного становления большой интерес вызывает комплексная **концепция идентификации**.

Я постараюсь в этой статье рассказать кое-что интересное об идентификации.

В этой связи можно начать, к примеру, с рассмотрения мотивации. В последнее время в центре внимания исследовательских интересов – проблема мотивации у детей находится чуть ли на первом месте. Современная наука решает эту проблему в комплексе с обсуждением других вопросов, других факторов, определяющих художественный процесс: эстетические критерии, особенности возраста, художественные средства и их применение. Идентификация – это динамический процесс, который меняется по мере роста индивида. [1, стр. 24]

Самая важная предпосылка психологического свойства для продуктивного творчества, по мнению американского педагога Лоуэнфелда, – это способность идентификации с тем делом, которое делаешь в данном конкретном случае, то есть с художественным творчеством – с актом создания художественного произведения, с опытом, который выражается. В процессе обучения и надо, прежде всего, научить ребенка идентифицировать свое «Я» с собственным опытом творчества.

При этом здесь важен и реальный опыт, и замещаемый. Трудности, которые возникают в процессе обучения детей, связаны со многими факторами, которые педагогу следует учитывать и знать.

Один из них: для ребенка ценность опыта искусства не в конечном продукте, а в процессе. Поэтому ему трудно идентифицировать себя с результатом. Чем легче ребенок включится в данную ситуацию, тем успешнее будет осуществляться идентификация с ней. [1, стр. 43]

Другой фактор: проекция своего «Я» в произведение обычно связана у детей с телесными образами. Очень часто, не осознавая, дети отражают в создаваемом произведении мускульные напряжения или телесные чувства. Это обстоятельство давно зафиксировано в психологической литературе, посвященной в особенности изобразительно-му творчеству детей. «Мы склонны, – писал Л.С. Выготский, – первые рисунки детей, их каракули считать скорее жестом, чем рисованием в настоящем смысле слова».

По мере развития и обучения непосредственная связь с проецированием моторного опыта ослабевает, но все же в детском творчестве наблюдается преобладание двигательного-осознательного восприятия и организации впечатления мира. По мере овладения речью, знаковой функцией сознания, всем многообразием социального опыта в процессах общения со взрослыми и в ходе обучения у детей все более возрастает независимый «имагинативный» подход к создаваемому произведению искусства. Но для этого надо освободиться и от детского эгоцентризма.

Дети не могут увидеть и изобразить какую-либо сцену с точки зрения иной, чем их собственная. Они рисуют все в отношении только применительно к себе. Лишь в 9 лет, по мнению авторов, в известной мере преодолевается эгоцентризм в детском творчестве и рисунки начинают жить сами по себе, без «наблюдателя». «...Это не значит, что дети перестают идентифицировать себя с теми аспектами окружающей их среды, которые становятся темами и объектами их творчества. И хотя они по-прежнему проецируют свое «Я» в изображение человека, все же теперь нельзя утверждать, что в художественных изображениях человека нет ничего кроме как репрезентации своего «Я», – заключает американский педагог [1, стр.53].

Факт идентификации особенно наглядно можно зафиксировать в изображениях близких родственников.

По мнению Лоуэнфельда и других американских педагогов, сознательное искусство и художественное мастерство начинается, в основном, с 14 лет. И здесь важнейшее значение в процессе обучения приобретает воспитание способности думать «в терминах» используемого материала, средств выразительности. Идентификация может произой-

ти лишь при условии, что техника будет представлять собой не просто «процедуру», «прием», а индивидуальный способ использования материала для индивидуального выражения потребностей своей личности.

Идентификация со средствами выразительности (линиями и пр.) облегчает такой прием, как «оживление». Например, линии, пространство и цвет характеризуются педагогом как «живые» существа, находящиеся друг с другом в отношении «дружбы», «вражды» и пр. И идентифицировать себя с ними следует как с «друзьями» или «врагами». И сам материал (дерево и пр.) также надо воспринимать **эмпатически**. Идентификация со средствами выразительности, орудиями и материалами особенно важна для старших детей. И не только в изобразительном искусстве, но в других разделах искусства, например, в музыке.

Идентификация со средствами выразительности ведет к идентификации с содержанием. Эффективным путем как бы «научения» такого рода идентификации является идентификация с произведениями других художников. Чтобы ребенок смог оценить содержание произведения, «интенцию» автора, он должен суметь поставить себя на его место, в ситуацию творца. Нельзя идентифицировать себя с ребенком, автором произведения, нарисовавшего домашнюю среду, не зная атмосферу его дома. Для творца выбор предмета имеет первостепенное значение. И ребенок будет идентифицировать себя и в своем творчестве, и при восприятии других произведений лишь с тем, что ему интересно.

Согласно данным многих исследователей изобразительного творчества детей, они в первую очередь (после каракулей) начинают изображать человека, причем с самой почтенной части венца творения, именно – с человеческой головы, а только затем животных, домики и другое. Общая направленность на идентификацию со своим полом обуславливает интерес мальчиков, особенно сенситивных (чувствительных) к мужским ролям: к автомобилям, самолетам и пр. Девочки часто рисуют «хорошеньких девочек», принцесс, дружбу детей и мам и т.п. Чем старше дети, тем чаще представлены в их рисунках мечты и желания. Характерен интерес детей к совершенно особому фантастическому миру (упыри, черты, водяные, русалки, колдуны, феи).

Воспринимая изображение, ребенок может идентифицировать себя как с конкретными, так и с абстрактными «предметами». Например, при восприятии на рисунке «плывущей лодки» может произойти акт идентификации с чистым движением, когда возникает субъективно-кинестетическое ощущение, что ты сам в лодке «движешься». Опыт этого ощущения, полученный в результате идентификации, затем может быть использован в собственном творчестве. В процессе обучения важно учитывать кинестетическое происхождение многих компонентов

творчества детей (например, линии) и не пытаться мотивировать их визуальными образами.

“Идентификация с произведениями, с их авторами учит идентифицировать себя с другими людьми, что очень важно для духовного роста”, – утверждает Лоуэнфельд.[1, стр. 36]

Проблему идентификации в теории художественного обучения Лоуэнфельд рассматривает также и в терапевтическом аспекте.

Специальный раздел его труда посвящен также выявлению такого фактора обучения, как идентификация учителя с обучаемыми через их собственные произведения.[1, стр. 79]

Таково вкратце описание эмпирической базы, на которой строятся эмпатические концепции художественного обучения и воспитания В. Лоуэнфельда. В значительной степени этим же эмпирическим материалом оперируют и теоретики художественного обучения и воспитания других, в том числе отечественных, направлений, но дают этому материалу иную теоретическую интерпретацию. Это и не удивительно, ибо теории идентификации, в частности, эмпатические теории художественного творчества и восприятия, на которые опираются специалисты по художественному образованию на Западе, имеют определенные недостатки.

В эмпатических теориях художественного обучения и воспитания отчетливо дает о себе знать функциональный подход, недооценка того, что центральная проблема обучения и воспитания в этой области – это формирование художественной личности, а не отдельных способностей, узко направленных мотиваций.

Интересно привести пример другого американского исследователя - психолога Г. Рагга, который на основе своей эмпатической теории творчества специально сформулировал «императивы для теории образования».

Традиционная педагогика, считает американский психолог, ориентирует учителей на «полупсихологию», на психологию сознания направленного, по преимуществу, на вербальное решение проблемы. Тем самым игнорируется мудрость трех тысячелетий о важности идентификации человека с миром. Важно обращать внимание не только на развитие аналитического мышления, но и на развитие мышления – чувства, ведущего к открытиям. Необходимо соединить теорию обучения «активности» с обучением умения интенсивной концентрации и интенсивной идентификации, требующей определенного типа «покоя». Нужна школа внутренней свободы релаксации, необходимой для интуитивных открытий. Словесное образование – лишь половина образования. Необходимо культивировать логику жеста, невербальный символизм, мо-

торику, жестовую символику.[3, стр. 310-312]

Все, о чем пишет Рагг, это верно, но центральную проблему обучения, воспитания – проблему формирования личности творцов вообще и искусства, в частности, – он «растворяет» в вопросах формирования и тренажа частных, отдельных психических функций и состояний (чувство, жест, интуиция и пр.).

Лоуэнфельд и другие западные специалисты в области художественного образования уделяют больше внимания вопросам личности, индивидуальности обучаемых. Он же обращает внимание на возрастные особенности, половые, на типологию личности (визуальный тип, гаптический и др.), на специфику индивидуальной мотивации и т.п., влияющих на процессы идентификации и воображения.

Однако, и здесь в стороне остается проблема формирования специфической художественной личности. Изучение процесса духовного роста движется лишь в рамках общей и отчасти социальной психологии. Но, чтобы подойти к анализу художественной личности, надо выйти за эти рамки в аксиологическую, эстетически-художественную сферу. Лишь при соблюдении этого условия, возможно понять психологическую специфику организации художественной личности. Но такой подход требует понимания глубокой и неразрывной связи формирования художественной личности с усвоением ребенком социо-культурного, художественного опыта. А между тем в работах Лоуэнфельда, Брайттэна и других западных теоретиков художественного образования, эта сторона дела – наиболее существенная – остается в «тени». Напротив, в них можно найти изоляционистские тенденции, обусловленные биогенетическими подходами к объяснению развития детского художественного творчества.

Наиболее характерно это обнаруживается в работах фрейдистского направления. Главным источником и движущей силой развития, в том числе и художественного, психоаналитики считают ранние формы идентификации с родителями, чаще всего – с матерью. При этом акцентируется не только роль этих идентификаций, но и их бессознательные формы. Так, американец Т. Бэрроу в книге «Пресознательные основы человеческого существования» (1964 г.) утверждает, что пресознательные основы возникают из первичной идентификации ребенка с матерью и в последующем выражаются во всех фазах деятельности – и в творческих продуктах поэта, артиста и ученого.

Абсолютизация ранних форм идентификации встретила критическое отношение у целого ряда западных психологов. Так, Г. Оллпорт, хотя и признает важность «**импрайтинга**», в частности, ранних форм идентификации ребенка с матерью для направленности последую-

щего процесса формирования установок и т.п., тем не менее, считает тезис З. Фрейда, согласно которому идентификация такого рода – “... единственный принцип обучения, который только и объясняет развитие личности...” - крайне односторонним, абсолютизирующим патологические случаи. При теоретическом рассмотрении мотивации в актах обучения важно различать инфантилизм и мотивации, которые не агрессивны, а строго актуальны, современны и коренятся в структуре сознательного «Я».[4, стр. 105]

В психоаналитических теориях художественного развития по-прежнему популярно подчеркивание сексуальных аспектов идентификации. Так, член фрейдистского общества в Париже Ф.Долто, интерпретируя с психоаналитических позиций изобразительное творчество детей, утверждает, что понять его можно лишь на основе расшифровки, имеющих сексуальную основу снов, которые содержат пороки, тайны, которые дети никому не рассказывают и т.п.

По этому поводу исследователь изобразительного творчества детей В.С. Мухина резонно замечает: «Полностью принимая позицию автора в отношении анализа рисунков внутри контекста эффективной ситуации ребенка, мы категорически выступаем против предвзятости анализа детских рисунков с точки зрения предлагаемых фрейдизмом стадий сексуального развития (оральная, анальная, фаллическая, генитальная) и связанных с этим “кастрационным”, “эдиповым” и другими комплексами. Ребенок – полнокровное социальное существо, он интересуется всеми проявлениями жизни, и его рисунки отражают все богатство человеческой жизни, а не одни только сексуальные ориентации».[5, стр. 14]

Изоляционистские тенденции в менее обнаженном виде встречаются и в работах, в известной мере относящихся к психоаналитической, а также к бихевиористской концепциям развития и обучения, абсолютизирующих биологические детерминанты обучения и развития.

Лоуэнфельд и Брайтгэн, сделав критические замечания в адрес бихевиоризма, предлагают иную концепцию роста и развития, а также и обучения (на примере изобразительного творчества детей). Они в качестве одного из двух главных стратегических принципов обучения искусству предлагают считать принцип «спонтанности».[1, стр. 285]

Принцип спонтанности психического развития, как известно, положен в основу биогенетического направления в трактовке психического развития ребенка. Идея спонтанности – это идея «независимости от воспитания, которое выступало здесь лишь как внешний фактор, способный либо затормозить, либо ускорить процесс выявления неких природных, наследственно обусловленных психических качеств ребен-

ка. Из биогенетических законов развития детей учеными были сделаны соответствующие педагогические выводы. При этом, вмешательство в естественный ход развития ребенка рассматривалось как недопустимый произвол. Биогенетизм стал психологическим обоснованием педагогической теории «свободного воспитания». [6, стр. 9]

Этой общей характеристики биогенетических концепций психического развития детей как нельзя лучше соответствует эмпатическая концепция художественного развития и обучения Лоуэнфельда, а также других психологов и педагогов, которые утверждают, что акты идентификации могут быть объяснены лишь с учетом теории духовного развития. Согласно этой теории, ребенок в своем художественном развитии (включая и акты идентификации) обусловлен «системой роста». И хотя эта система значительно варьируется, каждая стадия развития в ней вытекает из предыдущей как логическое следствие и служит началом последующей. Учитель-воспитатель имеет очень мало влияния на способ художественного поведения (в том числе и эмпатического) ребенка. Учителю, с этой точки зрения, лучше всего «стоять в стороне». Самое большое, что он должен сделать – обеспечить материалом, местом для творчества и осуществлять вербальный контроль. Появление художественного «продукта» не подвластно грубому контролю ни со стороны учителя, ни ученика. Социальная среда, культурные факторы, положение в группе и пр., - все это влияет лишь на «темп» роста ребенка, но не на целостную «систему» его личности. [1, стр. 25, 76]

Изоляционистская и биогенетическая сущность этой концепции не вызывает сомнения. В этой концепции не нашло отражение того объективного момента, который Л.С. Выготский называл «социальной ситуацией развития» - особого соотношения внутренних процессов развития и внешних условий, которое является типичным для каждого возрастного этапа.

Художественная педагогика, учитывая социальную ситуацию развития, не может не признавать тот эмпирически многократно подтверждаемый факт, что педагог играет во многом определяющую роль в художественном развитии ребенка, в том числе и в формировании его эмпатических процессов. И если художественную личность формирует собственная художественная деятельность, то задача педагога и воспитателя состоит в том, чтобы так организовать эту деятельность, чтобы в ней сформировались бы адекватные **эмпатически значимые мотивы творчества**.

Решающая роль художественной деятельности предполагает определяющее значение в формировании художественной эмпатии усвоения художественных форм. Однако, в трудах Лоуэнфельда, Бриттэна, да и в других работах западных специалистов по художественному

образованию и обучению, как правило, не найти понимания этого фактора. В практическом плане это означает, что процессам идентификации с художественной формой детей никто не обучает, они формируются лишь спонтанно.

Как видно из всего перечисленного, коренные недостатки эмпатической теории художественного творчества и восприятия могут привести к серьезным просчетам в развитии профильных наук. А это, в свою очередь, может привести к дисбалансу на стыке наук, особенно тех, которые имеют непосредственное отношение к человеку и творчеству.

Bibliography

1. Lowenfeld V. Creative and Mental growth. – N.Y., 1957.
2. Vigotskiy L.S. Empathy. V.13 - B.S.E. 1929.
3. Rugg H. Imagination. – N.Y., 1963.
4. Allport G.W. Patern and Growth in Personality. - N.Y., 1966.
5. Mukhina V.S. Graphic activity of the child. - M., 1975.
6. Age and pedagogical psychology. - B.S.E. -v.3, -M., 1929.
7. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9-20.
8. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia: Monograph. – M.: Etnosotsium, 2016. 266 p.
9. Ryabova E.L. (Review) Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia In XXI century: a national response to the national question. M.: Etnosotsium, 2015. // Etnosotsium and international culture. 2015. №10 (88). – P. 175-179.
10. Ryabova E.L., Bormotova T.M. Adaptiv problems of ethnic migration (on the example of the Russian Federation) // The President’s Council on International Relations of the Russian Federation. Moscow. 2015. P. 91-98.
11. Bormotova T.M. The impact of social mainstreaming migration prerequisites for the development of an effective migration policy and its implementation // Cultural World. 2014. № 1. P. 52-57.
12. Bormotova T.M., Mercury A.V. The main strategic goal of inter-ethnic and inter-religious cooperation is to ensure the national security of Russia // Mission confessions. 2012. № 1. P. 39-45.
13. Suzdaleva T.R. Migration policy: the practice of the XXI century // Etnosotsium and international culture. 2015. № 1 (79). P. 9-15.
14. Suzdaleva T.R. It was the Soviet empire: the national aspect // Etnosotsium and international culture. 2013. № 7 (61). P. 61-67.
15. Dzutsev K.V. Ethnosociological portrait of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation. M. ROSSPEN 2012.
16. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 2. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
17. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 3. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
18. Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia in the XXI century: a national response to the national question: Monograph. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2009.
19. Ryabova E.L., Boltenkova L.F. Basics of public administration in Russia in their historical development. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium” Moscow. 2015.
20. Beysenbin K.A., Letunovskiy P.V. The Problems of Improvement of State National Policy in the Post-Soviet Russia // Etnosotsium and international culture. 2016. № 5 (95). P. 9–14.
21. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // “Interchurch Mission” 2016. №14. P. 6-13.

Францев Ф.С.

Аспирант кафедры философии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России.

**Ж. Санд, П. Леру и русско-французский диалог
в области литературы и философии в 40-х гг. XIX в.**

30-е – 40-е гг. XIX века в целом можно охарактеризовать как эпоху расцвета идей утопического социализма. Во всем мире, в том числе и в России, в то время было немало последователей учений А.Сен-Симона и Ш.Фурье. Во Франции издавалось множество брошюр, книг, журналов и газет сенсимонистов и фурьеристов (*Le Producteur, L'Organisateur, Le Globe, Phalange, Phalanx, Almanach Phalansterien* и т.д.) В США только в 1840-е гг. под влиянием Х.Грили и А.Брисбейна было организовано около 30 фаланг – трудовых общин, созданных в соответствии с учением Ш.Фурье [13, р.250].

Одной из характерных черт социальных утопий 1830-х – 1840-х гг. были попытки обновления христианства вне его связи как с католицизмом, так и с официальным институтом Церкви. Б.П.Анфантен и С.-А.Базар, ученики А.Сен-Симона, называли свои общины «церквями» и вводили в их жизнь религиозные обряды; с книгой аббата Ф. де Ламенне «Слова верующего» (1834) [5], в которой непосредственным следствием евангельского учения представлены демократия, братство и социальная справедливость, был знаком В.С.Печерин, а отрывки из нее переводил и читал Ф.М.Достоевскому один из «петрашевцев» – А.П.Милюков [6, с.256–258]. В.Гюго, Ш.О. де Сент-Бёв и Ж.Санд в определенный период своей жизни называли Ламенне своим «духовным учителем».

Во Франции 30-х – 40-х гг. XIX в. трансформация христианского дискурса и его широкое распространение в новой форме были вызваны рядом причин.

Прежде всего, борьба с религией как с инструментом официальной власти, характерная для просветителей XVIII в., к этому времени стала уже неактуальной. Произошло крушение старого, феодального порядка (*l'ancien regime*), с которым ранее неразрывно связывалась критика религии. В эпоху Великой французской революции множество церквей было закрыто, значительная часть духовенства отреклась от сана или бежала из страны [см. подробнее об этом: 11].

Новые законы об образовании, принятые в 1816 г. и 1833 г., были уже направлены на возрождение христианской религии, и требовали повсеместного преподавания вероучения. Вместе с тем, во Франции не

хватало священников, поскольку их число в связи с революционными событиями значительно сократилось. В результате преподавание христианства нередко возлагалось на мирян, и французы постепенно привыкли к изложению религиозных идей светским языком [23, p.10–11].

Кроме того, 30-е – 40-е гг. XIX в. были эпохой Июльской монархии Луи-Филиппа, периодом, когда французский средний класс дистанцировался как от религии, так и от официальной Церкви. Это позволило интеллектуалам прибегать к религиозному языку (в новом виде) в своей критике существующего общественного порядка в качестве контрдискурса по отношению к доминировавшему дискурсу «невмешательского» (*laissez-faire*) либерализма [23, p.10]. Подобный язык был понятен и рабочим в провинции, и крестьянам, и урбанизированным интеллектуалам.

В итоге создалась ситуация, при которой католическая и социально-утопическая идеологии имели между собой точки пересечения, и граница между ними оказалась проницаемой. Сенсимонисты, выступая за религиозное возрождение и создание «церкви будущего» [см. подробнее: 4; 20], в своих доводах о пагубности безверия, охватившего Францию в результате влияния идей просветителей XVIII в. и революции 1789 г., иногда разделяли тезисы католических мыслителей: к примеру, С.-А.Базар в «Изложении учения Сен-Симона» прямо ссылаясь на «Санкт-Петербургские вечера» Ж. де Местра [4, с.453–454]. В этой связи увлечение социальной утопией в рассматриваемую эпоху могло послужить для некоторых своего рода подготовительным этапом для принятия католического мировоззрения, как это и произошло в случае с В.С.Печерным, обратившимся, как он свидетельствует в своих воспоминаниях, от Religion de Saint-Simon («Религии Сен-Симона») к чтению Ж. де Местра [9, с.112–113], а впоследствии принявшего и саму католическую веру.

Не избежала религиозных поисков в своем творчестве и Жорж Санд (1804-1876), французская писательница, занимающая весьма значимое место в русской культуре (в особенности ее влияние было велико в 30-х – 40-х гг. XIX в.) Одним из наиболее близких Ж.Санд мыслителей был Пьер Леру (Pierre Leroux, 1797-1871), некогда входивший в сенсимонистскую «церковь», но покинувший ее из-за разногласий с ее «отцом» Б.П.Анфантенем; совместно с Ж.Санд и Луи Виардо он издавал журнал *La Revue independante*, в котором его философские сочинения соседствовали с художественной прозой Санд.

На творчество Ж.Санд, в числе прочих, повлияли идеи П.Леру о новой религии и его концепция философии истории, содержащиеся в его трактатах «О Равенстве» (1838) и «О Человечестве» (1840) [16; 17]: по словам писательницы, Леру «был самым великим критиком философии истории; он представлял прошлое в настолько ярком свете, а дорогу в

будущее – настолько прекрасной, что казалось, будто чья-то рука сорвала повязку с глаз» [21, р.365].

У Леру, как и у многих других социальных утопистов, движущей силой исторического процесса выступает Провидение; для самореализации человеческого существа, которое является конечной целью развития человечества, необходимой предпосылкой выступает достижение равенства – обеспеченной возможности для каждого индивида пользоваться теми же благами и возможностями, что и другие, без подчинения другому лицу [2, с.103–104].

Ступени, по которым человечество поднимается к равенству, определяются, согласно концепции Леру, сменяющимися религиозными учениями. Религия раскрывалась постепенно – отсюда постепенное совершенствование рода человеческого. Основы религии вечны, ее проявления меняются с прогрессом знаний. Все религии, которые последовательно сменяли друг друга у различных народов, – преходящие формы вечной Истины [2, с.104–105].

Современный Леру исторический период – время после эпохи Просвещения XVIII в. и Великой французской революции – представляется философу промежуточной эпохой (*une époque intermédiaire*) между временем господства старой религии и временем полного утверждения новой – «мы находимся между двумя мирами: миром, который кончается, и новым миром, который начинается» [17, р.55].

Старый мир есть средневековое общество (как и А.Сен-Симон, П.Леру характеризует его в качестве «теологического» и «феодального»), в основе которого лежал, по мнению Леру, христианский синтез, религиозная система, которую, однако, не следует отождествлять с самим учением Евангелия. Краеугольным камнем средневековой христианской теологии была та мысль, что земля – место испытаний, преддверие Неба (где человек будет вознагражден за земные страдания). Будущая жизнь служила дополнением к земной жизни и возмещением за нее. Человеческому разуму было трудно вырваться из рамок такой христианской доктрины. [2, с.105] Однако постепенно, поэтапно такое освобождение осуществилось – основных фаз его было три: Возрождение, Реформация и Просвещение XVIII в. – последнее дало идеалы свободы и равенства, веру в прогресс, тенденцию к радикальному изменению человеческих отношений. Новое мировоззрение, сложившееся под влиянием французской философии Просвещения, по мнению Леру, должно быть сохранено XIX веком, но в то же время и трансформировано: живая мысль должна быть освобождена от той формы, в которую она была облечена XVIII веком, эпохой рационализма – от скептицизма, в том числе, в отношении веры.

Современное общество «распылено», считает Леру; подобно католику-ультрамонтану Ж. де Местру и сенсимонисту С.-А.Базару, ему представляется, что народы находятся в пагубной ситуации – в тупике безверия. И такое положение вещей сохранится, пока, благодаря общему закону, не возникнет новый «синтез» – провозглашаемая философом гуманистическая «религия Человечества».

Вслед за тезисом Лейбница из его «Ответа на размышления Бейля» о том, что «невидимый мир идей», о котором столько говорили античные <философы> – в Боге и в самих людях, Леру утверждает: «Человечество – часть «невидимого мира идей» – в Боге и в нас самих» [18, p.200–201]; «Бога помещают вдалеке от земли, весьма вдалеке от нас. Однако Бог повсюду, он – в нас в каждое мгновение нашего бытия» [18, p.185]. В связи с подобной теологической позицией, религиозную философию П.Леру многие исследователи характеризуют как пантеизм [16, p.12; 14, p.49].

Индивид, согласно его рассуждениям, не является существом, изолированным от других индивидов; живя в нормальном порядке природы и жизни, он находится в общении со всеми другими людьми, получая от них и давая взамен – «Человечество есть идеальное бытие, состоящее из множества живых существ, которые сами по себе являются Человечеством в зародыше, в потенциальном состоянии. И обратно, человек – это живое существо, в котором живет, в потенциальном состоянии, идеальное существо, именуемое Человечеством» [18, p.203–204].

По Леру, общество должно получить необходимую ему духовную основу в его «религии Человечества», основная идея которой – спасение не на Небе, а на Земле. Философ отрицает дуалистическое мировоззрение средневекового христианства, поскольку с такими его концепциями, как Ад, Чистилище и Рай, со страхом Божьим и надеждами на загробную жизнь (всем из них, по мнению Леру, в равной мере не соответствуют какие-либо явления реальной, «земной» жизни) люди в свое время избрали неверный духовный путь. Отказываться от земной жизни не надо, тем не менее, религия необходима: «давайте жить так, как если бы мы должны были жить вечно на Земле, но давайте <при этом> жить религиозно» [18, p.192]. Частью новой религии должно обязательно являться совершенствование земной жизни путем самосовершенствования каждого из индивидов, которое является чрезвычайно важной задачей, поскольку «ваше индивидуальное совершенствование есть совершенствование всего человечества» [18, p.212]. Конечной целью человечества Леру провозглашает «создание Рая на Земле».

В творчестве Ж.Санд религиозным и историософским идеям П.Леру в высшей степени созвучен роман «Спиридион» (1839). Несмотря на то, что в начале текста романа писательница поставила ему посвяще-

ние, по мнению исследователя Ж.Пено, в данном случае «их роли поменялись местами»: общеизвестно, что Леру влиял на Санд, но в этот раз – наоборот, именно Санд задала направление для мысли философа и подтолкнула его к написанию трактата «О человечестве», вышедшем через год после романа Санд [19]. Следует отметить, что в историографии имеются и свидетельства о противоположном – о том, что на гранках второй редакции «Спиридиона», вышедшей в 1843 г., многое было исправлено рукой самого П.Леру, внесшего значительные изменения в текст, по-видимому, касавшиеся его философской или теологической части [14, р.484].

Как бы то ни было, идейная близость Санд и Леру в романе бесспорна. «Спиридион» посвящен религиозным исканиям, действие его происходит в бенедиктинском монастыре в Италии; автор изображает в мрачных, унылых красках жизнь большинства монахов как адептов «традиционной» христианской доктрины (в терминологии Леру – средневекового «христианского синтеза»), согласно которой не только земная жизнь насыщена искушениями и страданиями, но и сама смерть для многих, не исключая бенедиктинских монахов, сопряжена со страхом сурового воздаяния за грехи.

Идеям Леру о грядущей «религии Человечества» явным образом близка и речь отца Алексиса в конце романа, в которой он, прочтя рукопись основателя монастыря Спиридиона, содержащую Откровение, полученное последним свыше, предрекает появление новой мировой религии. Эта религия должна будет порвать со многими традиционными догматами христианства: она, хоть и «не отступит от самого его духа», но «лишит его прежних форм» [22, р.435]. В рукописи вся история Церкви подразделяется на три стадии, соответствующие Божественной Троице (сходным образом, троичность характерна для историософских построений П.Леру): «первая <стадия>, соответствующая святому Петру, охватывает период создания Церкви, ее иерархического развития и развития воинствующего; <...> вторая, соответствующая св. Иоанну, охватывает период, начиная с Абельяра и вплоть до Лютера; третья, соответствующая св. Павлу, начинается с Лютера и оканчивается Боссюэ. На этом заканчивается христианство, и наступает эра новой религии» [22, р.435–436].

Идее П.Леру о необходимости создании «Рая не на Небе, а на Земле» соответствует финал романа, в котором отец Алексис направляет молодого послушника Анжела «обратно в мир». Прежняя же, монашеская жизнь Анжела в конце повествования оказывается разрушенной: духовно – полученным в рукописи новым откровением, а физически – вторгшимися и разгромившими монастырь французскими солдатами-республиканцами (во время завоевания Италии револю-

ционной Францией в ходе наполеоновской кампании 1796 – 1797 гг.)

События, происходящие по ходу действия романа в монастыре между его основанием в 1690 г. и его разрушением чуть более столетия спустя, соответствуют траектории духовного развития Европы в интерпретации П.Леру. Сам образ монастыря амбивалентен: с одной стороны, он олицетворяет всю систему физического и духовного угнетения, которому человечество подвергалось в течение многих веков со стороны деспотизма, действовавшего в союзе с религиозными предрассудками; но, с другой стороны, монастырь – это особое пространство откровения, уникальное место, где собраны истины человечества. Кроме того, по мнению П.Машри, возможно, в описании монастыря воплотилась ностальгия Ж.Санд по сенсимонистской общине, которая ко времени написания романа уже давно прекратила свое существование [15, р.41–42].

Несмотря на то, что роман Ж.Санд в силу цензурных препятствий не был переведен в России конца 30-х – 40-х гг. XIX в., он привлек внимание многих русских мыслителей и общественных деятелей тех лет. А.И.Герцен читал «Спиридиона» в 1839 г. во время ссылки во Владимире. Некоторые эпизоды из «Братьев Карамазовых» Ф.М.Достоевского указывают на возможное знакомство автора с романом Ж.Санд, хотя непосредственные исторические свидетельства подобного знакомства отсутствуют: по предположению французской исследовательницы Ф.Женевре, некоторые важные проблемы, рассматриваемые в «Братьях Карамазовых» позаимствованы именно из «Спиридиона» (отношения старца Зосимы с юным Алешей; проблема выбора последним жизни в монашестве или «в миру»; вопрос о формальном истолковании слов Христа в рамках традиционной религии) [см. 12, р.309–323, цит. по: 10].

Однако в наибольшей степени роман Ж.Санд повлиял на молодого В.С.Печерина (1807-1885), придя на смену его увлечению сенсимонизмом и «Словами верующего» Ф.Ламенне. Прочтя «Спиридиона» уже после отъезда из России, в 1840 г. в Бельгии, он, по его собственным воспоминаниям, «порешил идти прямо в знаменитую картезианскую обитель, la grande Chartreuse, поселиться там и, если нужно, принять католическую веру» [9, с.127]; в итоге Печерин принял монашество в католическом монастыре ордена редемптористов Haute Rue в Льеже и обратился к своему духовнику аббату Манвису с письменной просьбой, которая, по его собственному признанию, представляла собой почти целиком прямую цитату из «Спиридиона»: «я желал бы жить в совершенном уединении, но вместе с тем иметь возможность по временам выходить из него для того, чтобы навещать больных, страждущих и несчастных и помогать им словом и делом» [9, с.140]. Позднее В.С.Печерин был редемптористским монахом в Англии и Ирландии. Однако

через 20 лет, в 1861 г., он разочаровался в католицизме и покинул монастырь – в полном соответствии с тем, что Алексис перед своей смертью велел сделать Анжелю в конце книги Ж.Санд: «а теперь позволь мне попрощаться с тобой, дитя мое; будь готов покинуть монастырь и вернуться в Жизнь» [22, р.437]. Таким образом, по характеристике самого В.С.Печерина, «важнейшая эпоха» его жизни «слепилась из страниц «Спиридиона» точно так, как первые годы юности сложились из стихов Шиллера» [8, с.289].

И.И.Панаев в «Литературных воспоминаниях» свидетельствует, что в 1840-х гг. он перевел на русский язык финальную часть «Спиридиона», в которой изложены ключевые теолого-философские идеи романа, и читал этот перевод В.Г.Белинскому и Н.А.Некрасову, поскольку оба в то время не владели французским языком. Кроме того, И.И.Панаев переводил для В.Г.Белинского и отрывки из журнала *Revue Independante*, в котором много печатались как Ж.Санд, так и П.Леру [7].

Влияние обоих французов на мировоззрение В.Г.Белинского в то время было чрезвычайно велико. В своей литературной критике он чрезвычайно высоко оценивал творчество писательницы («Жорж Санд, бесспорно, первый талант во всем пишущем мире нашего времени») и даже ставил ее выше Бальзака [1, т.IX, с.397; т.V, с.175]. Он восторженно отзывался о Санд в письмах Н.А.Бакунину, И.И.Панаеву и В.П.Боткину [1, т.XII, с.115; с.121-122; с.124]. Велико было для него и значение П.Леру: по свидетельству А.И.Герцена, Белинский, «всегда увлекавшийся через край», сообщал ему в несохранившемся письме, предположительно датированном 1842 г., о том, что «Петр Рыжий <т.е. Леру> становится моим Христом» [3, с.498; с.742].

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что роман Ж.Санд «Спиридион» представляет собой чрезвычайно самобытный текст в истории мировой культуры: он одновременно принадлежит сразу нескольким областям гуманитарной мысли – художественной литературе, теологии и философии истории. Кроме того, благодаря наличию немалого числа исторических свидетельств о знакомстве с романом русских мыслителей, писателей, критиков он является наглядным примером такой ситуации в диалоге культур России и Франции XIX в., когда диалоги в сфере философии, художественной литературы и религии неотделимы друг от друга.

Список литературы:

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 тт. Т.V, т.IX, т.XII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
2. Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей: первая половина XIX в. М.: Наука, 1976, цит. по: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/files/uploads/27203/>

- essays_on_the_history_of_socialist_ideas_volgin_v-p_1976.pdf (дата обращения: 28.11.2016)
3. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 тт. Т.ХI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
 4. Изложение учения Сен-Симона. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1947.
 5. Ламенне Ф. Слова верующего. СПб: 1906.
 6. Никитина Ф.Г. Петрашевцы и Ламенне. // В сб.: Достоевский. Материалы и исследования. П/ред. Г.М. Фридендера. Л.: Наука, 1978.
 7. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988, цит. по: [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://az.lib.ru/p/panaew_i_i/text_0140.shtml (дата обращения: 28.11.2016)
 8. Печерин В.С. Apologia pro vita mea. СПб: Нестор-История, 2011.
 9. Печерин В.С. Замогильные записки. М.: Мир, 1932.
 10. Санд Ж. Спиридион. Перев. с фр. и послесл. В.Мильчиной. М.: Текст, 2004.
 11. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л., Гражданское общество в современной России Москва: Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2016.
 12. Шупленков О.В. Казачье самоуправление – положительный опыт консенсуса центра и регионов // Альманах Казачество 2016. №20. С. 40-50.
 13. Рябова Е.Л., Шупленков О.В. Основы казачьей культуры: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.
 14. Бредихин А.В. Донецко-Макеевская агломерация: пути развития приграничного сотрудничества // Альманах Казачество 2016. №19. С. 12 -17.
 15. Костюков А.Л. Особенности экспорта российских образовательных услуг // Альманах Казачество 2016. №20. С. 51-65.
 16. Пусько В.С. Российское общество и его идеология // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №4 (82). С. 15-20.

Bibliography

1. Belinsky V.G. Complete Works in 13 vols. Vol.V, vol.IX, vol.XII. Moscow: Edition of the Academy of Sciences of the USSR, 1956.
2. Volgin V.P. Essays on History of Socialist Ideas: First Half of XIX Century. Moscow: Nauka, 1976, http://istmat.info/files/uploads/27203/essays_on_the_history_of_socialist_ideas_volgin_v-p_1976.pdf [accessed November 28, 2016].
3. Herzen A.I. Collection of Works in 30 vols. Vol. XI. Moscow: Edition of the Academy of Sciences of the USSR, 1957.
4. Saint-Simon's Teaching Expounded. Moscow – Leningrad: Edition of the Academy of Sciences of the USSR, 1947.
5. Lamennais, F. Paroles d'un Croyant. Saint Petersburg: 1906.
6. Nikitina F.G. The Petrashevsky Circle and Lamennais. // Dostoevsky. Materials and Researches. Edited by G.M.Friedlander. Leningrad: Nauka, 1978.
7. Panaev I.I. Literary Memoirs. Moscow: Pravda, 1988, http://az.lib.ru/p/panaew_i_i/text_0140.shtml [accessed November 28, 2016]
8. Pecherin V.S. Apologia Pro Vita Mea. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.
9. Pecherin V.S. Post-Mortem Notes. Moscow: Mir, 1932.
10. Sand G. Spiridion. Transl. from French and epilogue by V.Milchina. Moscow: Tekst, 2004.
11. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia. Moscow: Monograph. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
12. Shuplenkov O.V. Cossack self-government – a positive experience of Center and Regions' consensus // Almanac Cossacks 2016. №20. P. 40-50.
13. Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Fundamentals of Cossack culture: schoolbook. - M.: International Publishing Center «Etnosotsium», Moscow. 2015.
14. Bredihin A.V. Donetsk-Makeevka agglomeration: the development of cross-border cooperation // Almanac Cossacks 2016. №19. P. 12-17.
15. Kostukov A.L. Peculiarities of Russian educational services export // Almanac Cossacks 2016. №20. P. 51-65.
16. Pusko V.S. Russian society and its ideology // Etnosotsium and international culture. 2015. № 4 (82). P. 15-20.

Abstracts

Smirnov I.P.

Old Faith and the district council (1898-1901)

The article is written on materials of fund «Ethnographic Bureau of V.N. Tenishev (1898-1901)» of Archive of the Russian Museum of Ethnography in St. Petersburg. From the archives of correspondence, those which describe the way of life and customs of Old Believer communities from 23 provinces of Central Russia are selected. The conclusions of the article can be related both to traditional methods of economic management, labour ethics and norms of social behaviour of Old Believers, reflecting their ethno-cultural identity, and to no less extent to the system of socio-political views of representatives of the Russian zemstvo, from which the bulk of correspondents of ethnographic survey was.

Keywords: Old Belief, zemstvo, ethnography, economy ethics, community, tradition, stereotypes, religious tolerance, ethnocultural identity.

Akhinova L.G.

Islam in the art as a factor of integration of Muslim immigrants in Paris today

The subject of this article is the review of artistic culture in contemporary Paris. The objects are museums and mass cultural events in the city. The aim of the article is to discover where the Islamic Art is shown and how the state uses culture as an integration tool. To achieve these aims we are going to trace the origin of the Department of Islamic Art in Louvre and review state programs of introduction of the immigrants to the French culture.

Keywords: Paris, Islam, culture, integration, migration.

Klintsova M.N.

The problem of interethnic marriage as an indicator of interethnic interaction in the republic of Crimea at the present stage

In this article the author proposed the analysis of the problem of modern ethno-political situation in the Republic of Crimea and the features of interethnic and interconfessional relations in the given conditions. Interethnic marriages are analyzed by the author as a result and a mirror of interethnic cooperation in the Republic of Crimea at the present stage.

Keywords: interethnic interaction, interconfessional interaction, ethno-political situation, marriage, interethnic marriages, interconfessional marriages, mixed marriage.

Rizoev S.H.

Religion - a resource of Russia's domestic policy (review of academic debate - spring 2016)

The article presents an overview of major events in the academic level of theological and ethno-religious spheres of life in Russia, where the development issues of priority and strategic importance were discussed.

Keywords: religious, situation, system, complex, ethno-politics, state-religious relations.

Tkacheva N.A.

Baymuhametova R.C.

Ethno-confessional situation in the social and political field of Northern Kazakhstan

The article is devoted to the religious situation in the North-Kazakhstan region. The author examines the historical and social aspects of the ethno-national relations, analyzes the methods of interethnic interaction which are necessary to preserve ethnic and religious stability.

Keywords: Religion, ethnicity, denomination, Kazakhstan, North Kazakhstan region.

Kasatkin P.I.

Ibragimova K.A.

Bobrova M.V.

The American civil religion values in public rhetoric and political practice of J.W. Bush. and B.Obama: comparative analysis

Civil religion in the United States historically had a special significance for the formation

and development of this state. In today's world, the United States play a significant role in world politics, relying in particular on the values of civil religion. In the XXI century US began to pursue an active foreign policy and interference in the internal affairs of other states has become a regular and sustained act. American presidents often claim in their speeches that the United States act in accordance with their own confidence and American exceptionalism. Giving speeches in public, they appeal to God, who gives them and the American people the right to be the main agents of God's will on Earth, blessing their decisions pursuant to that will, and American presidents engage themselves with the interpretation of the will of God, thus taking on the role of the prophets. For example, George. W. Bush, giving order to start the war in Afghanistan and then in Iraq under the pretext of protecting the rights and freedoms of the Iraqi people from the dictatorship of Saddam Hussein, decided that his duty to the nation and to God is keeping the fight against terrorism on a global scale, because terrorism threatens the basic human values. We have analyzed the phenomenon of the US civil religion, revealed its basic characteristics at the present stage, studied how it is embodied in the activities of US presidents - George. W. Bush. and Barack Obama. To do this, a comparative analysis of the speeches of George. W. Bush and Barack Obama and their appeal to religion took place. Conducted content analysis included searching for certain words and expressions related to the American civil religion in the speeches of the two presidents. We were able to show that George. W. Bush and Barack Obama continued the tradition of speaking to American people as the prophets of American civil religion, manifested in their belief that they can and have the right to explain to American people the will of God; In their view, the founding fathers of the American state were considered as Prophets, who integrated the divine values and ideals for the future generations; their ritual appeals to God with a prayer to bless the American people, to bless the United States.

Keywords: civil religion in the United States, American exceptionalism, the ideology of expansionism, Barack Obama, George. W. Bush., political institutions, the founding fathers, values, ideals, rituals.

Klimovich A.P.

Substantiation of moral philosophy

In this article we present a review of the problem of moral philosophy substantiation. Various approaches to solving this very problem are being considered. The leading representatives of the general approaches in this sphere are listed and the fundamental principles of these approaches are formulated. In the introductory and concluding parts of this article the importance of moral justification in considering the role of morality in a socially philosophical context is explained.

Keywords: Morality, ethics, substantiation, cognitivism, non-cognitivism, subjectivism, objectivism, sociological diagnostics.

Afanasiev S.G.

Identification of concept and theory of empathy

The article deals with practical aspects of the theory of empathy in the context of Western theories of art education. Pedagogical conceptions of identification of Lounfelda and Braytten, Ragg's «imperatives for the theory of education», as well as the views of Barrow, Doltu, Mukhina, Vygotsky on pedagogical predicates in the context of empathic motives of creativity are shown.

Keywords: Empathy, the theory of art education, the concept of identification.

Frantsev F.S.

George Sand, Pierre Leroux and Franco-Russian Literary-Philosophical Dialogue in 1840's

The article is devoted to the influence of the ideas of the French philosopher Pierre Leroux, who was still relatively poorly studied in Russia, who was originally a follower of A. Saint-Simon; and also to the perception of Pierre Leroux's philosophy indirectly, through Sand's works, by Russian thinkers and public figures of the XIX century, such as F.M. Dostoevsky, V.G. Belinsky and V.S. Pecherin.

Keywords: philosophy of history, Saint-Simonianism, transformation of the religious discourse, the Great French Revolution, Georges Sand, Pierre Leroux, F.M. Dostoevsky, N.A. Nekrasov, V.S. Pecherin.

Аннотации

Смирнов И.П.

Старообрядчество и земство (1898–1901)

Статья написана по материалам фонда «Этнографическое бюро В.Н. Тенишева (1898–1901)» Архива Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге. Из хранящихся в архиве корреспонденций отобраны те, которые описывают быт и нравы крестьян-старообрядцев из 23 губерний Центральной России. Выводы работы относятся как к традиционным способам ведения хозяйства, трудовой этике и нормам социального поведения старообрядческих общин, отражающим их этнокультурную идентичность, так и в не меньшей степени к системе социально-политических воззрений представителей российского земства, из среды которого происходила основная масса корреспондентов этнографического обследования.

Ключевые слова: Старообрядчество, земство, этнография, хозяйственная этика, община, традиция, стереотипы, религиозная терпимость, этнокультурная идентичность.

Ахинова Л.Г.

Ислам в искусстве как фактор интеграции иммигрантов-мусульман в современном Париже

В данной статье предметом разбора является рассмотрение художественной культуры в современном Париже. Объектом выступают музеи и городские культурные мероприятия. Целью данной статьи выявить где представлено искусство ислама, и как государство использует культуру в качестве фактора интеграции иммигрантов. Для достижения поставленных целей необходимо решить следующие задачи: проследить возникновение сектора исламского искусства в Лувре и рассмотреть государственные программы по знакомству иммигрантов с культурой Франции.

Ключевые слова: Париж, ислам, культура, интеграция, миграция.

Клинцева М.Н.

Межэтнические и межконфессиональные браки в Республике Крым на современном этапе

В статье предложен анализ современной этнополитической ситуации в Республике Крым, рассмотрены особенности межэтнических и межконфессиональных отношений в данных условиях. Межэтнические браки анализируются автором как результат и зеркало межэтнического и межконфессионального взаимодействия в Республике Крым на современном этапе.

Ключевые слова: межэтническое взаимодействие, межконфессиональное взаимодействие, этнополитическая ситуация, брак, межэтнический брак, межконфессиональный брак, смешанный брак.

Ризовев Ш.Х.

Религиоведение – ресурс внутренней политики России (обзор академических дискуссий – весна 2016)

В статье представлен обзор основных событий академического уровня в ре-

лигиоведческой и этно-религиозной сферах жизни России, на которых обсуждались проблемы развития, имеющие приоритетное и стратегическое значение.

Ключевые слова: религиозная ситуация, религиозная система, религиозный комплекс, этно-политика, государственно-религиозные отношения.

Ткачева Н.А.

Баймухаметова Р.С.

Этноконфессиональные ситуации в социально-политическом поле Северного Казахстана

Статья посвящена религиозной ситуации в Северо-Казахстанской области. Автор рассматривает исторические и социальные аспекты этнонациональных отношений, анализирует способы межэтнического взаимодействия, необходимые для сохранения этноконфессиональной стабильности.

Ключевые слова: Религия, этнос, конфессия, Казахстан, Северо-Казахстанская область.

Касаткин П.И.

Ибрагимова К.А.

Боброва М.В.

Воплощение ценностей американской гражданской религии в публичной риторике и политической практике

Дж. Буша мл. и Б. Обамы: сравнительный анализ

Гражданская религия в США исторически имела особое значение для формирования и развития этого государства. В современном мире Соединённые Штаты играют заметную роль в мировой политике, опираясь, в частности, и на ценности своей гражданской религии. В XXI США стали проводить активную внешнюю политику, их вмешательство во внутренние дела других государств приобрело регулярный, устойчивый характер. О том, что Соединённые Штаты действуют в соответствии с уверенностью в собственной, американской исключительности в своих выступлениях часто заявляют американские президенты. Произнося речи перед публикой, они апеллируют к Богу, даровавшему им и американскому народу право быть главными проводниками его воли на земле, благословляющему любые их решения во исполнение этой воли, при этом толкованием воли Бога занимаются сами американские президенты, тем самым беря на себя роль пророков. Так, например, президент США Дж. Буш мл., когда отдал приказ о начале войны в Афганистане, а затем и в Ираке под предлогом защиты прав и свобод иракского народа от диктатуры С. Хусейна, решил, что долгом его нации перед Богом является ведение борьбы с терроризмом в глобальном масштабе, поскольку терроризм угрожает базовым человеческим ценностям. Нами был проанализирован феномен гражданской религии США, выявлены его базовые характеристики на современном этапе, изучено, как он воплощается в деятельности американских президентов - Дж. Буша мл. и Б. Обамы. Для этого был проведён сравнительный анализ речей Дж. Буша мл. и Б. Обамы, их апеллирование к религии. Проведённый контент-анализ включал в себя поиск в выступлениях этих двух президентов определённых слов и выражений, связанных с американской гражданской религией. Нам удалось показать, что Дж. Буш мл., и

Б. Обама продолжили традицию выступлений перед американским народом в качестве пророков американской гражданской религии, что проявлялось в их убежденности, что они могут и имеет право объяснять американскому народу волю Бога; в их представлении отцов-основателей американского государства как пророков, объединивших божественные ценности и идеалы для будущих поколений; в их ритуальных обращениях к Богу с мольбой благословить американский народ, благословить Соединённые Штаты.

Ключевые слова: гражданская религия в США, американская исключительность, идеология экспансионизма, Б. Обама, Дж. Буш мл., политические институты, отцы-основатели, ценности, идеалы, ритуалы.

Климович А.П.

Когнитивизм в этике. Объективистский подход

В данной статье делается обзор проблемы обоснования в философии морали. Рассматриваются объективистские подходы к решению этой задачи. Перечисляются главные представители когнитивизма и раскрываются его фундаментальные принципы. Поясняется важность вопроса обоснования морали при рассмотрении роли морали в социально философском контексте.

Ключевые слова: Мораль, этика, обоснование, когнитивизм, нонкогнитивизм, субъективизм, объективизм, социологическая диагностика.

Афанасьев С.Г.

Концепция идентификации и теория эмпатии

В статье рассматриваются прикладные аспекты теории эмпатии в контексте западных теорий художественного воспитания и образования. Показаны педагогические концепции идентификации Лоунфельда и Брайттэна, «императивы для теории образования» Рагга, а также взгляды Бэрроу, Долто, Мухиной, Выготского на педагогические предикаты в контексте эмпатийных мотивов творчества.

Ключевые слова: Эмпатия, теория художественного воспитания, концепция идентификации.

Францев Ф.С.

Ж. Санд, П. Леру и русско-французский диалог в области литературы и философии в 40-х гг. XIX в.

Статья посвящена влиянию на творчество Ж. Санд идей к настоящему времени сравнительно мало изученного российскими исследователями французского философа Пьера Леру – изначально последователя А. Сен-Симона, а также восприятию его философии опосредованно, через произведения Ж. Санд, русскими мыслителями и общественными деятелями XIX века, в числе которых Ф.М. Достоевский, В.Г. Белинский и В.С. Печерин.

Ключевые слова: философия истории, сенсимонизм, трансформация религиозного дискурса, Великая французская революция, Ж. Санд, П. Леру, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, В.С. Печерин.

Authors

Afanasiev S.G., Candidate of Philosophical Sciences, Doctoral student of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy Department of Aesthetics, Chairman of the Board of the International Union of Public Associations «World Perspective» (UN and UNESCO programs).

Akhinova L.G., Graduate student of the faculty of History of The Lomonosov Moscow State University.

Baymuhametova R.C., Director of «Center of psychology and personality development 'Ruh'».

Bobrova M.V., Graduate Student of Moscow State Institute of International Relations.

Frantsev F.S., Graduate student, Department of Philosophy, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs.

Ibragimova K.A., Leading Expert of the Bureau of Scientific Secretary of Moscow State Institute of International Relations, Graduate Student of the Department of integration processes, European Studies.

Kasatkin P.I., Candidate of Political Sciences, Head of Science Policy, Associate Professor of the Department of World Political Processes of Moscow State Institute of International Relations.

Klimovich A.P., Postgraduate student of Lipetsk State Technical University.

Klintsova M.N., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Social philosophy, Tavricheskaya Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Rizoev S.H., Graduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Smirnov I.P., Leading Researcher of the faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University.

Tkacheva N.A., Doctor of Social Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management of the Institute of Management and Business of the Tyumen State Industrial University.

Авторы

Афанасьев С.Г. – кандидат философских наук, докторант МГУ имени Ломоносова, Факультет философии кафедра эстетики, Председатель Совета Международного Союза общественных объединений «Перспективный мир» (программы ООН и ЮНЕСКО).

Ахинова Л.Г. – аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Баймухаметова Р.С. – директор ТОО «Центр психологии и развития личности «Рух».

Боброва М.В. – студент магистратуры МГИМО (Московский государственный институт международных отношений) МИД России.

Ибрагимова К.А. – ведущий эксперт Бюро ученого секретаря МГИМО, аспирантка кафедры интеграционных процессов, Европейский учебный институт при МГИМО (Московский государственный институт международных отношений) МИД России.

Касаткин П.И. – кандидат политических наук, начальник управления научной политики, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО (Московский государственный институт международных отношений) МИД России.

Климович А.П. – аспирант Липецкого государственного технического университета.

Клинцова М.Н. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной философии Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

Ризоев Ш.Х. – аспирант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Смирнов И.П. – ведущий научный сотрудник лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ткачева Н.А. – доктор социологических наук, профессор Кафедры маркетинга и муниципального управления Института менеджмента и бизнеса Тюменского государственного индустриального университета.

Францев Ф.С. – аспирант кафедры философии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России.